

Конор Макгрегор. Жизнь без правил

Автор:

[Джон Кавана](#)

Конор Макгрегор. Жизнь без правил

Джон Кавана

Иконы спорта

Джон Кавана тот самый человек, который из тренера в маленьком сарае превратился в ТОГО САМОГО тренера, который привел Конора Макгрегора к победе в Ирландии и во всем мире.

Эта книга – откровение Джона о Коноре. Как дерзкий парень без навыков, денег и дисциплины смог стать одним из лучших бойцов всех времен? Сколько часов они провели в зале, и сколько раз Конор был на грани? Удивительная история, рассказанная от первого лица, представит вам удивительный портрет амбициозного, дисциплинированного и настойчивого человека, который не умеет сдаваться.

Джон Кавана

Конор Макгрегор. Жизнь без правил

John Kavanagh

Win or learn: MMA, Conor Mcgregor and me: A trainer's journey

Фото на обложке: © Steve Marcus / GettyImages.ru

© John Kavanagh, 2016

© Королев М., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Маме и папе.

Спасибо, что помогли мне поверить в себя.

Предисловие

Когда десять лет назад меня познакомили с Джоном Каваной в его спортзале, это знакомство не привело меня в восторг. Том Иган, мой школьный друг, некоторое время занимался смешанными боевыми искусствами. Я боксировал на достаточно хорошем уровне, но решил, что хочу попробовать заниматься ММА[1 - ММА (англ. Mixed Martial Arts) – смешанные боевые искусства. – Здесь и далее примеч. пер.]. Том заверил меня, что Джон – единственный человек в стране, с которым стоит работать, если есть желание чего-то добиться в этом виде спорта. Я поверил Тому на слово.

До встречи с Джоном я предполагал, что он этакий здоровяк, специалист по боям в клетке. Он же выглядел как обычный парень и больше напоминал учителя начальных классов, чем мастера боевых искусств. Но скоро мое мнение изменилось. Когда Джон начал делиться своими знаниями, стала видна его характерная индивидуальность. Было нетрудно понять, почему у него столь серьезная репутация.

Учитывая свой боксерский опыт, я был уверен, что легко освоюсь в ММА, буду там как рыба в воде и быстро стану чемпионом. Но с каждым днем тренировок под руководством Джона я все больше понимал, как глубоки его знания и что

мне предстоит многому у него научиться. Возможно, я и умел наносить удары еще до того, как переступил порог зала «Страйт Бласт», но по сравнению с таким опытным мастером боевых искусств, как Джон, я был новичком, и у меня все еще было впереди. Но я знал, что работаю с человеком, который проследит за тем, чтобы я двигался в нужном направлении. Джон сделал именно это, и сейчас, десять лет спустя, продолжает делать то же самое. С самого начала я верил, что он поможет мне добиться того, чего я хочу. Наверное, это можно назвать моим первым точным предсказанием.

Страсть Джона к обучению вдохновляет. Одно из его выдающихся качеств как тренера – способность делать сложные вещи простыми. Он объясняет их таким образом, с которым я раньше никогда не сталкивался. Обычно вы заходите в боксерский зал, бьете по мешку, прыгаете через скакалку, спаррингуете, а затем идете домой. Вы быстро начинаете и быстро заканчиваете. С Джоном же урок замедляется, и все показывается до тех пор, пока не станет ясным каждому ученику.

Джон успешно тренирует меня и моих товарищей в зале и восьмиугольнике более десяти лет, но его наставничество простирается в каждый аспект нашей жизни. Я обращаюсь к Джону за советом по любому вопросу, а не только по поводу боевых искусств.

В моей жизни было время, когда я общался с теми, с кем не стоило общаться. Это не приносило мне никакой пользы, отдаляло от зала и подталкивало к опасному пути. Джон не обязан был вмешиваться, но он сделал все возможное, чтобы я окончательно не ступил на неверную дорогу. Его вмешательство стало поворотным моментом не только в моей карьере мастера боевых искусств, но и в обычной жизни.

Джон за все эти годы потратил много времени и сил на меня, и я всегда старался отблагодарить его. Когда я начал заниматься в спортзале Джона, я был участником небольшой группы молодых бойцов, которые стремились к большому успеху. И я испытываю большое удовлетворение, видя признание, которое получил Джон с тех пор, как мы добились своего. Это побуждает меня ставить перед собой еще более высокие цели.

Что бы стало с моей жизнью, если бы в ней не появился Джон Кавана? Сейчас, конечно, невозможно ответить на этот вопрос. И я очень благодарен Джону за то, что мне не приходится задумываться над этим.

Конор Макгрегор

1

Начало

Я во всем ищу вдохновение для себя... Если кто-либо преследует свою мечту, то это вдохновляет меня.

Конор Макгрегор

Я зарабатываю на жизнь тем, что учу людей драться. И поэтому вы, возможно, удивитесь, узнав, что, пока мне не исполнилось двадцать с лишним лет, драки приводили меня в ужас. Я ненавижу споры, крики, насилие, а по сути, любые формы конфликта. В этом, конечно, нет ничего необычного, но, по правде говоря, я был немного размазней или, как любили меня называть некоторые в школе, тряпкой.

Я вырос на Натгроув-авеню в Ратфарнеме, пригороде на южной стороне Дублина. Моей сестре Энн было уже два с половиной года, когда 18 января 1977 года я появился на свет. Мой брат Джеймс родился значительно позже.

Мы жили в находящемся в конце улице тупике. Большинство детей в районе были девочки, поэтому я обычно проводил время в одиночестве. В округе жил один мальчик, но он был гораздо старше меня, и мне редко позволяли играть с ним. Пока Энн гуляла с другими девочками, я занимался ползающими насекомыми. С юных лет мне нравился Человек-паук, и меня очень интересовали настоящие пауки. (И по-прежнему интересуют: я держу тарантула рядом со столом в своем офисе. Не беспокойтесь, он не ползает по спортзалу – я держу его в аквариуме.) Одним из моих любимых занятий было кормить пауков. Я отправлялся на поиски муравьев, а затем бросал их в паутину и смотрел, как пауки их едят. Я обожал пауков.

Когда же я пытался гулять вместе с Энн и ее подругами, дело кончалось тем, что меня почти сразу просили уйти. Я – парень, они – девочки, поэтому, как правило, я просто раздражал их. Но иногда меня похлопывали по плечу и говорили: «Джон, ты теперь с ней встречаешься». Поскольку я был единственным парнем похожего возраста в округе, девушки встречались со мной по очереди. К сожалению, дело было не в моей неотразимости: просто у них не было других вариантов.

Мои родители говорят, что меня было легко воспитывать, а с Энн и Джеймсом было несколько труднее. Как мне кажется, во мне многое от мамы: характер у меня спокойный, я – интроверт. Меня трудно вывести из себя. Энн и Джеймс больше похожи на отца. Характер у него, мягко говоря, вспыльчивый.

В школе меня часто задирали, и именно Энн обычно приходила мне на помощь. Она всегда меня защищала. Главным задирой в нашей школе был Стивен. Он был из числа ребят, которые отбирают еду или деньги в тех редких случаях, когда у вас хоть что-то есть. Как-то раз Энн заметила, что Стивен обижает меня. Она сразу накинулась на него с зонтиком. После этого Стивен перестал ко мне приставать. Фурия в аду ничто по сравнению с дублинской девушкой с зонтиком, которая видит, как обижают ее маленького брата! Но Стив был не единственным задирой. Я ни разу не участвовал в настоящей драке: обычно я просто убегал. Когда же мне все-таки доставалось, я не давал сдачи.

Хотя у нас с Энн были разные характеры, мы с ней были очень близки. Как-то раз Энн шла по стальному забору, отделяющему наш сад от сада наших соседей. Она упала, сильно ударилась, и я закричал громче, чем она. Когда мне что-нибудь давали – даже, например, печенье, – я всегда спрашивал: «А Энн?» Я ничего не брал, если что-то не предлагали Энн. Мы были очень близки.

С отцом же все было иначе, и какие-то отношения с ним начали устанавливаться, когда мне было уже почти тридцать лет. Вместе с мамой он внес блестящий вклад в наше воспитание, и я бы не захотел ничего менять, но он был шумным и агрессивным, ему нравилось кричать и спорить, в то время как я был полной противоположностью. Мой отец не побоялся бы противостоять десятку людей; меня же пугала мысль о стычке с одним человеком, не говоря уже о целой группе. Он заставлял меня смотреть «Матч дня», вероятно надеясь, что я стану разделять его страсть к футболу, но я относился к этой игре с полным презрением. Я и сейчас выхожу из себя, когда слышу мелодию из этой программы.

С годами наши отношения значительно изменились. Сейчас я честно могу сказать, что отец – мой лучший друг. По мере того как я становился старше, мы, вероятно, начинали лучше понимать друг друга. Но даже сейчас он любит поспорить. Если мы спокойно сидим, он, как правило, обязательно найдет, из-за чего поспорить. Такова его натура. Мой отец и Джеймс постоянно спорят, и в большинстве случаев из-за каких-нибудь пустяков. Я понять не могу, как вообще можно наслаждаться подобным (меня споры просто утомляют), но для отца и Джеймса все иначе.

Это похоже на мое отношение к бразильскому джиу-джитсу. Я получаю от него такое же удовольствие, какое они от жаркого спора.

Когда я стал старше и перестал жить вместе с родителями, это, несомненно, положительно повлияло на мои отношения с отцом. Переходя к самостоятельной жизни, вы начинаете видеть родителей такими, какие они есть на самом деле. А до тех пор они просто ваши родители.

Если не учитывать того, что мой отец готов был спорить с кем угодно и по какому угодно поводу, у нас была вполне стандартная ирландская семья. Мой отец – удивительный человек. Он был менеджером в спортивном комплексе в колледже Де Ла Салль, где я учился, а потом стал строителем. Он очень независим и целеустремлен. Если во мне есть предпринимательская жилка, она, вероятно, от отца. Он не собирается уходить на пенсию и много раз говорил, что со стройплощадки его придется уносить. Он любит эту работу и никогда не остановится.

Вспоминая, что он сделал для нашей семьи, когда мы росли, я по-настоящему им восхищаюсь. Он отличался невероятным трудолюбием, поэтому, хоть мы и не относились к числу богатых семей, у нас никогда не было недостатка в необходимых вещах. Обратная сторона этого заключалась в том, что нам никогда не давали денег. Остальные дети говорили, что им дают карманные деньги, и мне это казалось изумительным. У нас их не было. Никогда. Ничего не делать и получать за это деньги – такое казалось невероятным. В нашем доме подобного не было.

Мой отец никогда не позволял мне бездельничать. В детстве мне ни разу не довелось просто так поваляться в постели. И стоило мне обмолвиться, что дел никаких нет, он быстро перечислял, чем я могу заняться: например, постирать

одежду или подстричь траву. Когда мне исполнилось четырнадцать, я стал часто работать с ним по выходным и во время школьных каникул.

Однако я, несомненно, был маменькиным сынком. Моя мама была сдержанной и спокойной, никогда не расстраивалась, и поэтому общаться с ней мне было гораздо легче. Она работала уборщицей, но, как и для большинства ирландских матерей в то время, главным для нее было домашнее хозяйство. Когда я учился в школе, я приходил домой во время обеденного перерыва, и меня всегда ждал поджаренный бутерброд с ветчиной и сыром. Перерыв продолжался 45 минут, я ел бутерброд и смотрел очередную серию сериала «Соседи». Мне это нравилось. Мы с мамой почти ничего не говорили друг другу, но именно это и было хорошо – тихая и спокойная обстановка. Все было замечательно, если только отец не приходил с работы пораньше. Тогда «Соседи» отменялись, так как нам нельзя было смотреть телевизор до шести вечера. Отца не интересовала свадьба Джейсона и Кайли, если оставались несделанными домашние задания.

Нельзя сказать, что нам задавали много, потому что последние несколько лет в начальной школе в Де Ла Салль у нас фактически не было учителя. За нами присматривал директор, но в течение дня он часто уходил из класса, поэтому большую часть времени мы были одни. Сейчас это кажется безумием. Думаю, это было связано с сокращениями. Будучи предоставленными самим себе, мы сдвигали парты в сторону и играли в «Королевскую битву». Я стоял у дверей, чтобы предупредить, когда директор будет возвращаться.

Когда я перешел в среднюю школу, я оказался среди учеников с низкой успеваемостью. Я плохо проявил себя на вступительных экзаменах, потому что последние два года в начальной школе относился к учебе несерьезно. Я не блистал в учебе, но старательно делал домашние задания. Я не относился к числу классных парней, но в то же время не был и занудой. В сущности, я был сам по себе или же со своим другом Дерекком Кларком. Мы с Дерекком вместе начали держать тарантулов.

Когда моему отцу было чуть меньше тридцати лет, он начал понемногу заниматься карате. Впервые в жизни у него появилось новое спортивное увлечение помимо футбола. В свое время он был хорошим вратарем, а также судьей в ирландской футбольной лиге. Футбол, несомненно, был страстью моего отца, но то, что меня этот спорт не интересует, он понял рано.

Мне было четыре года, когда мой отец первый раз привел меня на занятие по карате. Спортивные клубы были неподалеку от дома, но отец направился в тот клуб, в котором раньше тренировался сам. Этот клуб находился на Шериф-стрит в северной части центра Дублина. Расстояние от дома до клуба и обратно – двадцать километров, машины у нас не было, но отец брал велосипед, усаживал меня перед собой и вез сначала туда, затем обратно. Клубом руководил японец: классического типа сэнсэй, окутанный неким ореолом таинственности. В начале восьмидесятых самым далеким местом, из которого в Дублине могли появиться приезжие, в основном было графство Мейо, поэтому японцы в Дублине встречались редко.

Я начал ходить на занятия по карате два или три раза в неделю. Мне это понравилось с самого начала, но не потому, что я учился наносить удары руками и ногами. Больше всего я наслаждался тишиной. Спокойной атмосферой. Я никогда не считал те занятия обучением искусству боя. Все эти последовательности движений больше напоминали танец, чем драку. То, что я делал на этих занятиях, не имело значения. Важна была атмосфера. Я никогда не думал: я учусь здесь драться, потому что именно этим буду заниматься всю оставшуюся жизнь. Я любил тихую, спокойную обстановку, которая царила на этих занятиях.

Инструктор в клубе с самого начала сказал отцу, что видит в таком маленьком мальчике, как я, что-то уникальное. Я мог полностью сосредоточиться на занятии и не отвлекаться. Когда родители спрашивают меня, с какого возраста ребенок должен начинать тренироваться, я всегда говорю, что лучше всего привести детей на занятие, чтобы посмотреть, как и что у них будет получаться. Они ведь все разные. Я мог на целый час сосредоточить все свое внимание на карате, но не уверен, что сохранил бы такую концентрацию на чем-то другом. Ребенку нелегко сосредоточиться на традиционном занятии по карате, но мне это прекрасно удавалось.

Когда меня в детстве задирали, знание карате мне особо не помогало. Я никогда не считал, что это хорошая форма самозащиты. Изучение карате в зале не готовит вас к тому давлению, которое вы испытаете во время настоящей драки на улице. Когда начиналась какая-нибудь потасовка, я замирал. Это чем-то напоминает реакцию, встречающуюся в природе: животное, на которое охотятся, часто замирает в надежде, что хищник просто уйдет. Для самозащиты в реальных жизненных ситуациях польза от карате была такой же, как от

изучения балета.

В детстве я продолжал заниматься карате и добивался все больших успехов. В двенадцать лет я получил черный пояс. В тринадцать начал тренироваться под руководством нового инструктора вечером в зале колледжа Де Ла Салль. Там я получил второй дан. В пятнадцать лет на национальной баскетбольной арене в Талле я стал чемпионом Ирландии по кэмпо-карате. Чтобы добиться этого, я упорно тренировался и очень гордился своим достижением в то время. Об этом даже написали статью в местной газете с большой моей фотографией. После этого мой дедушка долго носил эту статью с собой и показывал ее всем, кого встречал.

Когда мне было восемнадцать, меня представили инструктору из другого клуба. Выглядел он довольно круто. Это был большой парень в красном кимоно. Мы же все носили черное. Я был в некотором смысле очарован им. Когда он сказал, что я могу тренироваться в его клубе, я, ни минуты не раздумывая, принял его приглашение.

Однажды утром в хозяйственный магазин, где я работал по выходным, пришел мой инструктор по карате в колледже Де Ла Салль. Он узнал, что я тренируюсь где-то еще, и был этим недоволен. Выйдя из себя, он принялся ругать меня в присутствии покупателей и работников магазина. Мне казалось невероятным, что он так разозлился, понять же причину подобного гнева было сложно. На тот момент я тренировался в его клубе пять или шесть лет и продолжал это делать. Мне нравилось карате, и я хотел заниматься им как можно чаще. Но он не мог справиться со своими чувствами. Его реакция была ребяческой. Я убежден, что тренировки в разных местах приносят пользу и должны поощряться. Но у инструктора было другое мнение. Я молча стоял в магазине, в котором было полным-полно народу, и в растерянности слушал, как инструктор кричит, что я его предал и мне не стоит больше приходить в его клуб. Этот случай произвел на меня настолько неприятное впечатление, что я вскоре вообще прекратил заниматься карате.

* * *

В средней школе меня по-прежнему задирали. Чисто внешне мне удавалось сохранять спокойствие, но, конечно, все это было весьма неприятно. Физического насилия было не так много. Меня в основном толкали с той или

иной силой, и я постоянно находился настороже. Если кто-нибудь ударял меня по затылку, я продолжал идти как ни в чем не бывало. Я никогда не давал сдачи. Я просто терпел и ждал, когда все закончится. Несмотря на то что меня в юные годы часто задирали, я никогда не получал серьезных травм. Но, когда мне было восемнадцать, произошел один инцидент. Как-то вечером я с друзьями был в Ратмайнсе в баре «Стейшн». Мы посидели там, немного выпили, а затем решили отправиться в ночной клуб Сары в Ратфарнеме. В таком возрасте нелегко добраться до клуба большой толпой, поэтому мы решили разделиться на несколько групп.

Когда я со своей тогдашней подругой направлялся к стоянке такси в Ратмайнсе, то мы проходили мимо группы из шести или семи парней, которые стащили велосипедиста с велосипеда и, по-видимому, без всякой причины начали избивать его. Никто не обращал на это внимания, и мы тоже решили идти дальше. Велосипедиста продолжали избивать, и у меня мелькнула мысль: «Нужно что-то предпринять, нельзя просто пройти мимо». Я вернулся и попытался образумить этих парней: «Перестаньте, ребята, с него уже хватит».

Тогда они набросились на меня. Я не смог устоять на ногах, и, пока пытался подняться, мне порядком досталось. До сих пор помню, как кричала моя подруга, когда я упал лицом на бетон. Также меня ударили кирпичом и попытались бросить под автобус.

К счастью, нам удалось уйти, когда мой друг Кевин Макгинли, вышедший из бара после нас, увидел, что происходит, и поспешил мне на помощь. Мы добрались до находящегося неподалеку полицейского участка. Из-за побоев меня трудно было узнать. Позднее я выяснил, что у меня повреждена глазница и скула. Однако полицейские решили, что я – замысливший что-то недоброе отморозок, и выгнали меня. Я со своей подругой добрался до дому на такси.

Родители уезжали на выходные. Утром мама просунула голову в дверь и сказала: «До понедельника». Я спрятал лицо под одеялом и пробормотал: «Хорошо, до понедельника». Те парни так меня избили, что я напоминал своим видом человека-слона и не хотел, чтобы она это видела.

Физические повреждения начали проходить через несколько дней, но мое душевное состояние восстановилось намного позже. Мало кто из молодых людей хотел бы, чтобы его избили на глазах у девушки. Это очень унижительно. От этого начинаешь чувствовать свою полную никчемность. Наверное, многие

мечтают о том, как они побеждают в драке плохих парней и уходят с девушкой, повисшей на руке.

Я чувствовал себя очень неловко во время первой встречи с родителями своей подруги после этого случая, но они отреагировали не так, как я ожидал. Ее отец обнял меня и сказал, что я поступил правильно. Я же прежде всего радовался, что с моей подругой ничего не случилось, поскольку в противном случае я бы себе места не находил.

Примерно год после этого я почти не выходил из дома. Я впал в депрессию и постоянно испытывал страх. Выходя куда-нибудь, я всегда оглядывался, опасаясь, что на меня могут напасть сзади. К тому моменту, когда произошел этот случай, я начал постепенно забрасывать занятия по карате. Я был чемпионом Ирландии, но какой от этого толк, если я не мог защитить себя? Постепенно мой настрой стал таким: если я когда-нибудь снова окажусь в подобной ситуации, я должен знать, как из нее выпутаться.

2

От вышибалы до чемпиона

Победители сосредоточены на победе. Проигравшие сосредоточены на победителях.

Конор Макгрегор

Джефф Томпсон появился в моей жизни в нужный момент. Впервые я увидел его в журнале «Маршал Артс Иллюстрийтед» (Martial Arts Illustrated), который читаю каждый месяц. Он был английским вышибалой и недавно опубликовал первую книгу из серии книг по самозащите и о своей работе у дверей баров и ночных клубов. Джефф когда-то занимался карате, но в чистом виде оно было недостаточно эффективным для него, поэтому он разработал собственную систему самообороны. Мне очень нравилось то, что пишет Джефф, и я тщательно изучал все его статьи и книги. Я посещал некоторые семинары

Джеффа, в основном в Соединенном Королевстве. Мы тогда начали переписываться. Он был первым человеком, с которым я открыто говорил о том, что испытываю страх. Таким был один из его ключевых принципов: бояться – это нормально. Джефф своим видом мог напугать многих, себя же я считал слабаком, не способным дать отпор.

Я научился у Джеффа нескольким важным вещам, связанным с техникой и языком тела, в частности его концепции под названием «забор». Вкратце она заключалась в следующем: нужно было выставить руки перед собой, чтобы человек, желающий напасть, не мог к вам приблизиться. Подобное движение руками не содержало в себе такой же агрессии, как сжатые кулаки, но давало понять, что вы готовы отразить атаку. Джефф считал, что если кто-то дотрагивался до забора хотя бы два раза, то следовало начинать действовать.

Однако главным, чему я научился, работая с Джеффом, стало понимание страха и умение с ним справиться. Я думал, что именно из-за страха не мог драться. Любого, кто, как я, испытывал страх, я считал трусом. Любой здоровый и сильный мужчина, как мой отец и Джефф Томпсон, согласно моим убеждениям, никогда никого не боялись. Джефф помог мне понять, насколько я заблуждался. Чувство страха было знакомо и ему, но он объяснил, что страх перед дракой вызван тем, что организм в преддверии конфликта высвобождает адреналин. Джефф сказал, что ощущение слабости в руках и ногах – совершенно нормальное явление. Мое тело просто готовилось к бою.

Вместе с друзьями я организовал занятия по самообороне в зале своей старой школы в Ратфарнеме. Наша группа была небольшой, занимались мы на нескольких матах, а я был инструктором. Наверное, я впервые выступал в роли тренера. За основу я взял то, чему научился у Джеффа Томпсона, и добавил к этому элементы карате и фитнеса. Это была странная смесь самых разных техник, но мы обычно старались воссоздать какую-нибудь уличную стычку. Мы задействовали такие приемы, как «забор», а также некоторые базовые техники грэпплинга и захватов головы. Все это я почерпнул от Джеффа. Приемы в основном для начинающих, но нам это нравилось. Важнее было то, что я все больше начинал понимать, как нужно защищать себя.

В конце 1996 года, незадолго до того, как мне исполнилось двадцать лет, я гулял в пятницу по городу вместе со своим другом Робби Бирном. Мы решили пойти в магазин на Джорджс-стрит, где продавались лазерные видеодиски. Я любил этот магазин: там имелся большой выбор малоизвестных видео, которые

нигде больше нельзя было найти. Просматривая диски, я обратил внимание на видео, которое оказалось просто безумным фильмом о боевых искусствах. Какие-то парни дрались друг с другом без правил в клетке. «На самом деле такого быть не может», – подумал я. Но меня все же это заинтриговало. В тот вечер, когда мы с Робби пришли ко мне, у нас собой был диск под названием «Абсолютный бойцовский чемпионат: начало».

Оказалось, что это документальный фильм, знаменующий рождение в 1993 году UFC[2 - Ultimate Fighting Championship (рус. Абсолютный бойцовский чемпионат) – спортивная организация, базирующаяся в Лас-Вегасе, США, и проводящая бои по смешанным правилам.] – организации, которая сейчас является доминирующей в спортивных боевых искусствах. Когда нам с Робби попало это видео, лишь очень немногие – особенно в Ирландии – слышали о таком виде спорта. Первый турнир UFC состоялся 12 ноября 1993 года в Денвере, Колорадо, в присутствии немногим более 7000 зрителей. Сейчас, когда прошло уже более 350 турниров, UFC превратился в яркое дорогое мероприятие, поединки которого регулируются строгими правилами. А первые бои просто проводились в восьмиугольной клетке в центре тускло освещенной арены. Бойцам было запрещено кусаться и выдавливать друг другу глаза. В остальном же им предоставлялась полная свобода.

Концепция мероприятия состояла в следующем: восемь бойцов, представляющих различные виды единоборств, участвуют в турнире на выбывание. Весовых категорий не было, и когда я смотрел видео, меня поразило то, что один из бойцов, бразилец, был значительно меньше остальных. Его звали Ройс Грейси. Он не казался каким-то особенно устрашающим и мощным. Видя, что он уступает по комплекции остальным, мы с Робби думали, что с ним быстро разделаются. В кулачных боях размер значил все... или, по крайней мере, нам так казалось.

Мы с Робби сидели у меня в гостиной и с благоговением смотрели, как Ройс побеждает всех трех своих соперников: Арта Джиммерсона, Кена Шамрока и Жерара Гордо. Он просто сбивал их с ног и проводил удушения с помощью приемов джиу-джитсу. Три боя продолжались менее пяти минут. Я был поражен тем, что сделал Ройс. У меня не было слов. Этот паренек смело входил в клетку с огромными соперниками и спустя несколько секунд вынуждал их сдаться.

Той ночью я почти не спал. Я никак не мог выкинуть из головы то, что был способен делать Ройс Грейси. Я сам был небольшим пареньком, над которым

любили поиздеваться ребята постарше и посильнее, и поэтому не мог не проникнуться мастерством Ройса. Это может показаться смешным, но я готов был расплакаться. В то же самое время я испытывал и чувство облегчения, так как кое-что понял. Ройс казался тихим и мягким, но он занимался бразильским джиу-джитсу – борьбой, о которой я раньше никогда не слышал.

Я подумал: «Если Ройс Грейси может это делать, почему я не могу?» Он демонстрировал физические движения, а не волшебные трюки. Я в то время не обладал большой силой и агрессивностью, поэтому бразильское джиу-джитсу, в котором они не играли важной роли, очень мне подходило. Я и раньше надеялся, что боевые искусства могут помочь мне противостоять более крупным соперникам, а теперь впервые увидел это на практике. Это было возможно. Приемы джиу-джитсу позволяли быстро и эффективно справляться с противниками, не нанося им повреждений, что также усиливало привлекательность этого боевого искусства.

На следующее утро, придя в Де Ла Салль на занятие по самообороне, мы вместо отжиманий и упражнений на коврике катались по полу, пытаюсь разобраться, как проводить удушающие приемы. Я понятия не имел, как или где мне следует искать, но знал, что должен найти человека, который научит меня тому, что я видел в исполнении Ройса Грейси.

В Ирландии в 1996 году никто не занимался бразильским джиу-джитсу, или БДД, поэтому мне пришлось расширить поиски. Я выяснил, что Джефф Томпсон ездил в США и тренировался там с членами семьи Грейси, семьи, которая имела прямое отношение к основанию бразильского джиу-джитсу в начале XX века. Джефф также демонстрировал некоторые борцовские приемы в журнале «МАИ»[3 - МАИ – Маршал Артс Иллюстрейтед.]; когда я впервые увидел эти приемы, то даже не понимал, что они взяты из БДД. Я вырезал все его статьи и собирал их в папки. Приемов было много (рычаги локтя, удушения, освобождения от захвата и т. д.), и для каждой их разновидности у меня была отдельная папка. Я извлекал всю возможную информацию из других журналов, книг и видео. Папки становились все толще, и они скоро стали основой наших занятий. Прежде чем показывать там эти приемы, я отрабатывал их с мамой и братом. Нет нужды говорить, что проб и ошибок было много.

В конечном счете мы стали заниматься в школе «Эдьюкейт Тугезер» на Лорето-авеню. Я когда-то ходил в начальную школу на этой улице. Хотя в то время мне

было двадцать с небольшим лет, занятия вышли на более серьезный уровень и приобрели популярность. Я вел их несколько раз в неделю, преподавая кикбоксинг и грэпплинг, и в то же время пытался сам во всем этом разобраться.

Хотя в занятиях наблюдался определенный прогресс и росла моя уверенность в себе, меня по-прежнему беспокоило то, что мне так и не довелось поучаствовать в уличной драке после того, как меня избили в Ратмайнсе. В этом, конечно, не было ничего удивительного, так как я никогда не искал неприятностей. Я гораздо больше узнал о том, как надо драться, и определенно чувствовал, что уже лучше подготовлен к возможным потасовкам. Однако я не знал этого точно, поскольку еще не проверял на практике, а подобная проверка, естественно, означала настоящую опасность.

И тут я снова мог ориентироваться на Джеффа Томпсона. Если бы я, как Джефф, поработал у дверей баров и ночных клубов, это дало бы мне возможность непосредственно противостоять своим страхам. Я помнил, как меня избили на глазах моей подруги, и не знал, смогу ли когда-нибудь избавиться от терзающих меня воспоминаний. Но я чувствовал, что должен это сделать. Если я стану работать вышибалой, то окажусь в ситуациях, когда у меня не будет возможности отказаться от самозащиты.

На тот момент я как раз только что перестал жить в доме родителей, и по совпадению парень, с которым я жил в одной квартире, оказался вышибалой. Это также навело меня на соответствующую мысль. Мне тогда был почти двадцать один год, но выглядел я не старше пятнадцати. Я был невысокого роста, худощавым и с мальчишеским невинным лицом. Задатки грозного вышибалы, да? Я всегда выглядел моложе своих лет, и это особенно проявлялось в тот период. Но все-таки мой сосед по квартире знал, что я занимался боевыми искусствами и приемами самообороны, и мог предложить мне работу.

Итак, молодой человек, который так и не сумел проявить себя должным образом в уличных драках, стал следить за порядком у дверей некоторых самых оживленных баров и ночных клубов в Дублине. Я работал в разных местах, но чаще всего в районе Темпл-Бар в большом пабе «Теркс Хэд» и ночном клубе «Редз» возле моста О'Коннела. И с самого начала ночь за ночью я подвергался нападкам. Времена, когда я стоял у входа в класс и следил за появлением директора, пока остальные играли в «Королевскую битву», закончились. Теперь все было серьезно.

Те, кого я не пропускал, всегда начинали задирать меня, так как я выглядел юным и безобидным. Но настало время противостоять своим страхам. Это были парни, напоминавшие тех, которые избили меня в Ратмайнсе. Таких ребят я боялся и в школе. Стоя перед агрессивными, пьяными и кричащими мне в лицо посетителями, я оказывался в ситуации, когда нужно было защищаться или убегать. Книги Джеффа Томпсона, которые я прочитал, подготовили меня к подобным нападкам. Конечно, я чувствовал страх и тревогу, но научился считать это естественной реакцией.

Когда дело доходило до настоящих потасовок, меня на первых порах изумляла легкость, с которой можно было победить какого-нибудь дебошира. Я тогда вспоминал одного из любимых супергероев своего детства – Человека-паука. Пока его не укусили, он был тихим безответным пареньком, но на следующий день после укуса, к своему удивлению, он вдруг смог справиться со своими недругами. Нечто похожее я испытал, когда стал работать вышибалой.

В подобных ситуациях я сначала чувствовал сильные психологические трудности. Что же касается чисто физического аспекта таких схваток, все было просто. Я был трезв и знал приемы самозащиты, хотя мне и не хватало опыта. Посетители были пьяны и, как правило, не умели драться, поэтому, когда они пытались меня ударить, утихомирить их было достаточно просто.

Поначалу было нелегко справляться с ситуациями, когда кто-то начинал кричать мне в лицо, но, как только дело доходило до физического противостояния, у меня никогда не возникало проблем. Благодаря этому я стал гораздо увереннее чувствовать себя и в других случаях, например, при обсуждении договора аренды квартиры с грозным на вид хозяином. Раньше подобные вещи меня пугали. Когда вы знаете, что сможете постоять за себя, то воспринимаете все совершенно иначе. Если разговор вдруг перерастет в перепалку, вас это уже не пугает. Это помогло мне справиться с воспоминаниями об издевательствах, которым я подвергался в школе, и о том случае, когда меня сильно избили. Я смело смотрел в лицо опасности и не пытался избегать своих страхов. Если кто-то явно собирался напасть на меня, я делал так, чтобы подобная мысль больше не приходила этому человеку в голову.

На основе своих воспоминаний я мог бы, вероятно, написать книгу о том времени, когда работал вышибалой. Как-то раз я работал в подвальном баре «Туркс Хэд», а мой друг стоял у парадного входа наверху. Он не пропустил

какого-то парня, а в руке у того был бокал, которым он сильно поранил лицо моего друга, после чего попытался убежать. О случившемся я услышал по радиации: «Парадный вход! Парадный вход!»

Я поспешил наверх. Кто-то показал мне, в какую сторону побежал парень, и я решил поймать его. Догнать его мне удалось рядом с пабом «Бэд Бобс». И только тогда, когда этот парень повернулся ко мне, до меня дошло, какого же он телосложения. Ничего себе! Настоящий здоровяк. Я подумал: «Боже! Что я наделал?» Но у меня уже не было выбора.

Мне удалось по-своему объяснить этому джентльмену, что в пабе «Туркс Хэд» никого нельзя бить бокалом по лицу, и я уверен, что мои объяснения были поняты.

Парень, который стоял у входа в «Бэд Бобс», был моим знакомым, и, пока я был занят упомянутым джентльменом, он подошел и спросил: «Джон, как дела?»

– Неплохо, – ответил я. – Но я сейчас немного занят.

Я борюсь с парнем, который в два раза больше меня, а мой знакомый решил со мной поболтать. Кто сказал, что вышибалы неприятные и недружелюбные люди?

Когда приехали полицейские, оказалось, что они хорошо знают этого здоровяка, и вовсе не потому, что у него раньше были проблемы с законом. Скажем так: он вел себя не совсем так, как приличествует стражу порядка, и, вероятно, на следующее утро у него состоялся неприятный разговор с начальником.

В то время вечерами я работал вышибалой, а днем учился в Дублинском технологическом институте (ДТИ). У меня было много различных планов в отношении своей жизни, но окончательно я ни на чем так и не остановился. Я создал небольшую компанию по благоустройству территорий, которая занималась строительством заборов и прочими подобными вещами. Когда я после школы проучился в институте уже примерно полгода, мама предложила мне записаться еще на курс машиностроения. Не знаю точно почему, ведь у меня в то время не было особой склонности к математике или естественным наукам, но мне это казалось интересным. В результате профессия инженера стала мне нравиться, и я получил диплом с отличием второй степени верхнего уровня.

В ДТИ на Болтон-стрит я проучился пять лет. Днем я старательно учился, вечерами тренировался, а потом работал вышибалой. Временами это сильно изматывало, но тренироваться мне очень нравилось, нужно было зарабатывать на жизнь, а мама настаивала, чтобы я получил образование. При всем при этом я с каждым днем осознавал, что ничто не увлекает меня так, как боевые искусства. Если бы я мог поступить по-своему, то бросил бы институт и занимался только тренировками. Но я не мог идти наперекор пожеланиям мамы!

В конечном счете по Ратфарнему пошли слухи, что появился парень, занимающийся смешанными боевыми искусствами. Речь шла обо мне. Я тогда как раз познакомился с Дэйвом Рошем, который и по сей день остается одним из моих самых близких друзей. Думаю, не ошибусь, если скажу, что Дэйв в то время был хорошо известным уличным бойцом. Он тренировался в Баллимуне в клубе, где проводили кулачные бои, и считалось, что он непобедим. Дэйв пришел к нам на занятие в школьном зале на Лорето-авеню и решил проверить свое мастерство. Я тогда уже неплохо освоил грэпплинг и, работая вышибалой, почти каждую ночь участвовал в стычках. Поэтому как боец я чувствовал себя увереннее, чем когда бы то ни было.

В ходе поединка с Дэйвом мне в конце концов удалось провести один из знаменитых приемов Ройса Грейси – рычаг локтя. Я был ошарашен, когда впервые увидел Абсолютный бойцовский чемпионат. На Дэйва же подобное впечатление произвел выполненный мною прием. Эта схватка заложила основу долгой дружбы – нам сначала нужно было просто немного потрепать друг друга в бою. Примерно пятнадцатью годами ранее я участвовал в школьной пьесе в том же самом зале; теперь я проводил здесь поединок с бойцом, занимающимся боксом без перчаток. Все это казалось немного безумным.

Впервые я встретился с настоящим тренером по бразильскому джиу-джитсу в 1999 году в Лондоне. Звали его Джон Мачадо. Он был родственником семьи Грейси и одним из самых уважаемых мастеров БДД. Возможность потренироваться с ним была для меня большим событием, поскольку на тот момент я, по сути, занимался самостоятельно. У него были черный пояс и высокий дан, а также бразильский акцент, который делал его еще более аутентичным. Я с Робби Бирном прибыл на семинар Джона, и мы были очарованы. Когда Мачадо демонстрировал некоторые свои приемы, я думал: «Так, это почти невозможно, я никогда не смогу это сделать». Но, когда он показывал, как именно нужно выполнять тот или иной прием, казалось, что он волшебник. Раньше и представить было трудно, что тело человека способно на

такие движения.

Возвращаясь домой, я думал лишь об одном: если я хочу добиться успеха в изучении джиу-джитсу, то снова должен потренироваться с Джоном Мачадо. Более года я экономил каждый пенс, который зарабатывал, преподавая боевые искусства и работая вышибалой. Летом 2001 года, сразу после окончания ДТИ, я вместе с Дэйвом Рошем отправился в Лос-Анджелес. Там мы три недели занимались в академии Мачадо. Это было просто замечательно. Каждый день с утра до вечера мы учились у лучших мастеров джиу-джитсу, в том числе у разных представителей клана Грейси. Нам даже не хотелось уезжать оттуда. К этому моменту смешанные боевые искусства полностью завладели моей жизнью. Если я не занимался ими, то думал о них. К тому времени, как я вернулся домой из Лос-Анджелеса, я уже решил, каким будет мой следующий шаг. Пришло время найти место, чтобы открыть собственный спортзал.

3

Я никогда не считал себя крутым

Злу нельзя давать волю. Если его творят рядом с тобой, следует вмешаться. Порой зло можно остановить только силой.

Конор Макгрегор

Мой первый спортзал, вероятно, был похож на место для хранения старой газонокосилки и банок с краской, но для меня он был совсем не таким. Мне он казался идеальным.

Зал, в сущности, представлял собой сарай за домом, расположенным на узкой улочке в Филсборо. Сарай был старым, холодным и пыльным. Но он принадлежал мне, и я мог называть этот спортзал своим собственным. Ну, по крайней мере, он был моим, пока я платил 400 фунтов каждый месяц владельцу, приятному мужчине из Мейо, который все время уговаривал меня переехать в одно из помещений в доме за дополнительные 100 фунтов в месяц.

Представьте бетонную постройку с раковиной и унитазом в углу и двенадцать не слишком прочных матов на полу. Это и есть тот спортзал. Стены были тонкими, поэтому внутри всегда чувствовался холодок. К тому же как-то раз дождливым вечером во время тренировки обрушилась часть крыши. Мы стали включать старый газовый нагреватель, но особого толку от него не было.

Дэйв Рош и многие ребята из нашей тренировочной группы в Лорето стали работать вместе со мной в этом зале, который мы называли «Шед»[4 - «Шед» (англ. Shed) означает «сарай»]. Я также привлек некоторых новых участников после того, как подал объявление в журнал «Айриш Файтер», и проводил в зале почти все свое время. Раньше я увлекался разными боевыми искусствами и теперь, когда у меня появился свой зал, хотел преподавать их все: кикбоксинг, рестлинг, бразильское джиу-джитсу. Мы занимались небольшими группами, но и по сей день трудно найти людей, практикующих в Ирландии смешанные боевые искусства и не имеющих отношения к этому спортзалу. Даже если они не тренировались там сами, то, вероятно, там когда-то занимался их тренер. В нашей группе были Энди Райан, который позднее открыл свой клуб «Тим Райано», а также Дэйв Джонс, будущий основатель клуба «Некст Дженерейшн». Наверное, можно сказать, что этот спортзал стал отправной точкой для появления смешанных боевых искусств в Ирландии.

Сначала спортзал назывался «Рил Файт Клуб». У нас даже были эти ужасные футболки, на которых было написано это название. Сейчас, конечно, нельзя вспоминать об этом без смущения.

Мне очень хотелось показать свой спортзал родителям. Они стали беспокоиться по поводу того, в каком направлении движется моя жизнь, и это можно было понять. Получив высшее образование, я стал тратить много времени на боевые искусства и почти не искал работу по специальности. Я думал, что они будут гордиться мной и перестанут переживать, когда увидят, что я открыл свой спортзал.

Приехав ко мне, они отреагировали совсем не так, как я надеялся. Папа просто покачал головой. Мама стала кричать.

– Что ты делаешь со своей жизнью? – спросила она. – Ты пять лет учился, чтобы получить высшее образование, и теперь собираешься впустую тратить здесь время с друзьями?

Хотя их поддержка была важна для меня, я не мог жаловаться на их позицию. На рубеже веков Абсолютный бойцовский чемпионат еще только зарождался, и в Ирландии о нем едва ли кто слышал. По мнению моих родителей, я гнался за несуществующей мечтой. Наверное, они даже решили, что их сын сошел с ума.

Вспоминая об этом, сейчас я прекрасно понимаю отношение папы и мамы к той ситуации. Они просто беспокоились за будущее своего сына. Мама, в частности, была в ужасе. Ее сын хотел посвятить свою жизнь занятию, которое вряд ли имеет шансы на успех, – речь шла о боях в клетке. В наше время нет ничего из ряда вон выходящего, когда ирландские подростки хотят заниматься смешанными боевыми искусствами, потому что они идут по проторенной дорожке. Но в 2001 году ситуация была иной. Я, в сущности, говорил родителям, что собираюсь посвятить свое время поединкам в клетке и посмотрю потом, получится ли из этого что-нибудь. Папе и маме такие мысли, конечно, казались не слишком обнадеживающими.

После окончания института я действительно попробовал устроиться на работу – опять-таки чтобы успокоить маму, – и меня почти взяли. Работа эта была в компании «Бостон Сайентифик», и мне пришлось бы переехать в Бостон. Я был одним из десяти соискателей, дошедших до заключительной стадии отбора. Вспоминаю, что в середине последнего собеседования я вдруг понял, что все время покачивался взад-вперед на стуле, как это обычно делают в школе. Я сказал себе: «Что ты делаешь? Это же собеседование, сиди прямо, клоун».

Не могу сказать точно, сыграла ли моя оплошность свою роль, но работу я не получил. Специально я этого не планировал, но, возможно, подсознательно вел себя так, чтобы не пройти собеседование. Работа по специальности мне больше не грозила, а незадолго до этого я вернулся из Лос-Анджелеса, где тренировался под руководством Джона Мачадо. Теперь я уже точно знал, чем хочу заниматься в жизни.

Моей целью было добиться успешной карьеры в смешанных боевых искусствах, но я еще точно не знал, как именно буду это делать. Папа с мамой были сбиты с толку и все время пытались отговорить меня от этого. Но я был непреклонен. Если бы я стал работать инженером, я знаю, что не был бы счастлив. Настоящую радость в жизни мне дарили боевые искусства. Я понимал, что все это может закончиться неудачей, но, по крайней мере, был верен себе, не отказываясь от того, к чему у меня лежала душа. Если у меня ничего не получится, я могу

бросить боевые искусства, зная, что сделал все, что было в моих силах.

Когда я открыл свой зал, мне было почти двадцать пять лет, но мне не нужно было тратить деньги на ипотеку, машину или содержание семьи: другими словами, никаких значительных финансовых издержек. Тем не менее я всегда был без гроша. Все деньги, которые я зарабатывал, шли на тренировки или поездки в Англию на семинары и поединки.

Бойцы часто спрашивают меня, как мне удавалось в те дни сводить концы с концами? Ответ простой: у меня была работа. От многих людей я слышу о том, что они не могут позволить себе платить за занятия. Абонемент в спортзал – это, по сути, роскошь. Чтобы купить его, у вас должна быть работа. Такова жизнь. Нынешнее поколение перспективных бойцов, по-видимому, думает, что успеха в смешанных боевых искусствах можно добиться, только если бросить работу. Я же всегда считал, что можно найти время и для того, и для другого. В течение первых десяти лет в ММА каждый заработанный пенс я вкладывал в дело.

К тому времени, когда заработал мой зал, я уже поучаствовал в нескольких боях. Во время поездок в Англию на семинары я обзавелся полезными контактами. Полеты в Англию были достаточно большими расходами для меня, поэтому я обычно спрашивал у владельцев залов, где проходили семинары, можно ли мне там ночевать. Если разрешали, я спал прямо на матах, а под голову вместо подушки клал сумку с вещами.

Первый бой, в котором мне предложили участвовать, проходил в небольшом зале в Милтон-Кинсе в рамках шоу, которое организовал Ли Хэсделл. Этот парень был успешным бойцом и занимался популяризацией первых турниров в Англии, поэтому его считают крестным отцом смешанных боевых искусств в Англии. Ли проводил турнир по грэпплингу из восьми участников. Победитель получал 1000 фунтов. После полуфинала он хотел провести отдельный бой по правилам ММА, чтобы дать финалистам передохнуть. В нем я и участвовал.

Я ездил вместе с Робби Бирном – как всегда, за свой счет, – потому что в те времена поединки, проходящие на региональном уровне, не оплачивались. Между профессиональными и любительскими поединками не было той разницы, которая существует сейчас. Бой был просто боем.

Как раз когда я заканчивал разминку, кто-то вошел в раздевалку и сказал, что появилась небольшая проблема. Не пришел мой соперник. Я был взбешен, так как прилетел в Милтон-Кинс из Ирландии и мне казалось, что я зря потратил время. Но не все было потеряно. Диктор сделал соответствующее объявление с вопросом, не хочет ли кто-нибудь из зрителей поучаствовать в бою. Один из парней, проигравших в первом раунде турнира по грэпплингу, храбро поднял руку, и мой бой снова оказался в программе шоу. Он закончился быстро, когда я провел удушающий прием – «треугольник» – и вынудил соперника сдаться в первом раунде.

Следующая возможность поучаствовать в бою появилась в сентябре 1999 года на первом в Ирландии турнире по ММА. Он проводился в общественном центре «Мойросс» в Лимерике и был организован Дермотом Макгротом, тренером по кикбоксингу, и еще одной ключевой фигурой, стоявшей у истоков ММА в Ирландии. В турнире принимало участие четверо бойцов в легком весе, и я выиграл его благодаря тому, что с помощью приема «рычаг локтя» вынудил своих соперников сдаться. В зале не было зрителей, только бойцы, тренеры и товарищи по команде. Несколько парней из нашей тренировочной группы также участвовали в турнире, поэтому мы заказали для всех нас микроавтобус. Когда мы уезжали, его закидали камнями. Из-за чего это произошло, я уже точно не помню. Один из наших парней, возможно, победил кого-то из Лимерика, или, вероятно, это случилось просто из-за того, что мы были из Дублина.

Мой очередной поединок состоялся следующим летом, когда я возвратился в Соединенное Королевство. В спортивном центре в Вустере с помощью удушающего захвата «треугольник» я в течение минуты вынудил сдаться Лейтона Хилла. Главной же звездой на этом турнире был Марк Уир, который впоследствии выступал несколько раз на Абсолютном бойцовском чемпионате.

Выиграв свои первые бои, я создал себе хорошую репутацию, и перед боем в Белфасте со следующим соперником Энди Берроузом мое лицо было на плакатах по всему городу. Подобное в моей жизни случилось впервые, и это показалось мне важным. Снимаясь для плаката, я пытался принять угрожающую позу, но идея с треском провалилась.

В карьере бойца, может, мне и удалось быстро добиться хороших результатов, но отношение к ней моих родителей по-прежнему не менялось. Каждый раз, когда я возвращался домой после победы, они спрашивали: «Ну как, все? Ты теперь закончил?» Помню, один раз перед тем, как я отправился на бой в

Англию, папа сказал мне: «А если тебе спину сломают? Что ты тогда будешь делать?» Это была очередная попытка убедить меня бросить боевые искусства и найти нормальную работу, но задолго до этого я уже решил, что ни за что так не поступлю.

Я все еще учился в ДТИ, когда впервые начал участвовать в боях, и мои сокурсники были этим несколько ошарашены. По понедельникам они с утра болтали о том, как весело провели время в пабах и ночных клубах в субботу ночью, а затем появлялся я с подбитым глазом и бритой головой после боев, в которых участвовал в выходные. Я также часто сбрасывал вес, и поэтому никогда никуда не ходил по вечерам. В основном я выступал в полулегком (145 фунтов[5 - 1 фунт равен 0,45 кг.]) и легком весе (155 фунтов), хотя вполне мог выбрать и легчайший вес (135 фунтов). Тем не менее я всегда следил за тем, что ем и пью. Однокурсников своих я видел по вечерам в городе, только когда работал вышибалой в тех клубах, где они развлекались.

Среди тренировавшихся в «Шеде» был парень по имени Терри. Он родился в Дублине, но довольно долго жил в Южной Африке. Спортзал открылся в 2001 году, Терри позанимался с нами несколько месяцев, а затем вернулся в Южную Африку. Вскоре после отъезда из Дублина он позвонил мне и предложил поучаствовать в бою, который проводился в ноябре в Йоханнесбурге, и его организатором был тренер в спортзале, где тренировался Терри. Я ничего не знал о противнике и намечающемся мероприятии, но решил воспользоваться возможностью. Меня, наверное, больше интересовала сама поездка. Хотя я не получал денег напрямую, недельная поездка полностью оплачивалась. Это походило на уникальную возможность, особенно для такого любителя природы, как я. Ведь я надеялся, что когда-нибудь смогу побывать там. Денег на секунданта мне не выделяли, но мой друг Дерек Кларк решил в качестве отпуска отправиться со мной.

Когда я попал в Южную Африку, то почти сразу понял, что оказался в трудной ситуации. Тренироваться мне пришлось в зале своего соперника. Я был там один, и его товарищи по команде то и дело подходили ко мне и говорили, какие меня поджидают неприятности. В те времена еще не было YouTube, поэтому я даже не знал, как выглядит мой соперник, пока мы не встретились на взвешивании за день до боя. Я весил примерно 150 фунтов, он – около 165. Его звали Бобби Караджиэннидис, и он был южноафриканским чемпионом по рестлингу. Я знал, что передо мной стоит нелегкая задача. Мероприятие

намечалось довольно большое. Оно проходило на большой арене в «Карнивал-Сити Казино», где всего несколькими месяцами ранее Леннокс Льюис проиграл титул чемпиона мира Хасиму Рахману. Перед прибытием в Южную Африку я выступал в небольших залах, но на предстоящий бой придут тысячи зрителей.

Это мероприятие также транслировалось по южноафриканскому телевидению. Перед боем у меня решили взять интервью, и в раздевалку зашли люди с камерами. Ведущий никак не мог поверить, что я сам по себе прибыл сюда из Ирландии. Когда он спросил меня, как я тренировался, я решил пошутить, потому что сильно нервничал, и сказал: «Я много играл в новую видеоигру про Абсолютный бойцовский чемпионат и думаю, это дало мне хорошую подготовку». К сожалению, ведущий не понял шутки, и мы оба выглядели глуповато.

Когда я выходил на бой, мне показалось, будто я нахожусь в развлекательном комплексе «Эм-Джи-Эм Гранд». Атмосфера пугала меня, так как я был один в тысячах милях от дома. Мой план заключался в том, чтобы повалить Бобби и вынудить его сдаться, но он был более умелым борцом и легко пресекал мои попытки. В конечном счете я оказался на спине и пытался провести болевой прием на ногу. Боб же стоял надо мной и обрушивал мне на голову град ударов. Мне, конечно, следовало отпустить его и скорректировать свою позицию, но я очень хотел довести проводимый прием до конца. Эта ошибка дорого обошлась мне в тот вечер и стала для меня хорошим уроком. Принимая удар за ударом, я надеялся, что мой противник вот-вот сдастся... затем вдруг очнулся в раздевалке. «Я победил?» – спросил я. Вообще-то, нет. Я был нокаутирован в первом раунде.

За семь лет до того, как Форрест Гриффин стал чемпионом UFC, он участвовал в главном бою тем же самым вечером. Другим будущим бойцом UFC, поединок которого также входил в программу мероприятия, был Рори Сингер. После шоу все мы хорошо провели время. Побывав в нокауте, я оставался в некотором замешательстве и напился, что стало не самым умным поступком. Отель, где я жил, находился на территории заповедника, и мне каким-то образом пришло в голову, что было бы неплохо прогуляться по окрестностям в два часа ночи. Как я узнал на следующий день, мне повезло, что я не попал на завтрак какому-нибудь льву.

Может, в бою с Бобби я и не добился результата, на который надеялся, но та сумасшедшая ночь оказалась одной из самых важных в моей жизни. Среди тех, с

кем я пил, был тренер Бобби Караджиэннидиса, здоровяк-американец Мэтт Торнтон. Мы с Мэттом долго разговаривали. Мне очень понравились его рассуждения о тренерской работе, и между нами сразу установились дружеские отношения. Он мог в точности сформулировать мои мысли относительно работы тренера. Мэтт давно занимался смешанными боевыми искусствами, и его хорошо знали в США. Он основал в Орегоне свою академию ММА и назвал ее «Стрейт Бласт Джим».

На следующий день Мэтт проводил семинар в Йоханнесбурге, и мне удалось справиться с похмельем, чтобы успеть к его началу. Там я узнал о его методе «свободной работы», который произвел на меня впечатление. Эта концепция, базирующаяся на трех основных принципах – движение, энергия и тайминг, – воссоздает на тренировке реальную боевую ситуацию, заменяя тем самым повторение формализованных стандартных комбинаций. Нужно не просто демонстрировать те или иные навыки, а оттачивать их в противостоянии с оппонентом. Подход Мэтта отражал различие между свободной и формализованной тренировками, и я знал, какую предпочитаю. Это может показаться вполне естественным, но в то время свободная тренировка действительно была чем-то новым.

После того как я вернулся домой, мы с Мэттом стали переписываться по электронной почте. Я хотел продолжать работать с ним и пригласил его в Дублин на следующее лето. На оплату его приезда мне пришлось потратить уйму денег, но сказать, что они были потрачены не зря, будет преуменьшением.

На тот момент я уже тренировался у Джона Мачадо, представителей семьи Грейси и Джеффа Томпсона, и все они были по-своему замечательны. Но в Мэтте было нечто, выделявшее его среди остальных. Прежде всего стоит отметить его ум. Также он был первым в моей жизни настоящим тренером по смешанным боевым искусствам. Он владел всеми единоборствами, от бокса до бразильского джиу-джитсу. У Мэтта был черный пояс по БДД, и, находясь в Дублине, он провел мою первую аттестацию, присудив мне пурпурный пояс.

Но, конечно, самым интересным в Мэтте был его метод свободного подхода. Я не имел возможности переехать в США, чтобы работать с Мэттом постоянно, но, раз он дал мне свою формулу, я знал, что смогу воспользоваться ею на практике.

Я восхищался Мэттом, и он, очевидно, тоже что-то во мне увидел. Я был официально принят в ассоциацию спортзалов «Стрейт Бласт Джим» (Straight

Blast Gym), и в 2002 году «Шед» стал называться «СБД Айленд» (SBG Ireland).

Мне всегда было нелегко совмещать карьеру тренера и бойца. Чем больше я тренировал других, тем меньше времени у меня оставалось на подготовку к собственным поединкам. Тем не менее я продолжал выступать и победил француза Тамеля Азара, вынудив его сдаться в первом раунде (с помощью удушения сзади) в Портсмуте в феврале 2002 года. Тот турнир был первым в Европе, где бои проводились в клетке, а не на ринге. По какой-то причине многие, по-видимому, считают ММА в клетке варварством, однако, когда бои проходят на ринге, подобная проблема в восприятии исчезает, хотя клетка на самом деле безопаснее для бойцов, поскольку в ней нет канатов, за которые можно упасть и получить серьезную травму.

Несмотря на то что правила одинаковы, бои в клетке все же чем-то сильно отличаются от поединков на ринге. Когда вы слышите, как закрывается дверь в клетку, внезапно может возникнуть боязнь замкнутого пространства. Вы буквально оказываетесь в клетке. Сначала вы думаете: «Ужас! Просто безумие. Какого черта я здесь делаю?» Существуют и технические различия: например, в восьмиугольной клетке гораздо труднее загнать противника в угол. Однако повалить легче, поскольку нет канатов, за которые можно было бы ухватиться. Я испытывал радостное волнение от боев в клетке, потому что, входя туда в качестве мастера бразильского джиу-джитсу, я отчасти чувствовал себя словно Ройс Грейси, входящий в клетку на первом Абсолютном бойцовском чемпионате в 1993 году.

Уже через две недели я вернулся в Англию для боя с Ли Ремедиосом в Солсбери. Он победил единогласным решением судей. Несколько месяцев спустя его следующий бой состоялся на UFC.

Когда я готовился к поединку с Дэнни Баттенем в ноябре в Милтон-Кинсе, то сказал себе, что это будет мой последний бой. Тренерская работа требовала столько времени, что его почти не оставалось на собственные тренировки. Я просто не мог быть и тренером, и бойцом. Участвующий в соревнованиях спортсмен очень ценит свое время, а у меня оно почти полностью уходило на обучение других. В конце занятия я отвечал на вопросы своих учеников, вместо того чтобы передохнуть перед работой со следующей группой или немного потренироваться самому. Моя способность оставаться конкурентоспособным бойцом исчезала, но, что еще важнее, то же самое происходило и с желанием

участвовать в боях. Я никогда раньше не побеждал с помощью ударной техники и, зная, что, вероятно, больше не буду выступать, очень хотел отправить Баттена в нокаут. Я активно начал бой, доминировал в первом раунде, но так и не добился своей цели. К концу этого раунда я израсходовал все силы, и он, воспользовавшись этим, к концу второго раунда провел замок руками и вынудил меня сдаться.

В проигрыше Дэнни Баттену не было ничего зазорного – он являлся одним из лучших бойцов в Британии и позже выиграл бойцовский чемпионат «Воины в клетке» в полулегком весе, но я все же был сильно разочарован тем поражением. Я считал, что был лучше, чем он, но вымотался, и это не прошло даром.

Я чувствовал, что не могу закончить свою карьеру бойца на такой ноте. Пять месяцев спустя я снова прибыл в Милтон-Кинс на бой с другим первоклассным британским бойцом Робби Оливье. И на том шоу стало очевидно, что тренерская работа отнимает у меня все больше времени. За несколько боев до моего собственного боя я был секундантом на первом выступлении одного из своих учеников, Адриана Дегорски. Начиная поединок с Робби, я вынужден был признать, что, независимо от того, выиграю я или проиграю, это точно будет мой последний бой.

Возможно, мне хотелось, чтобы у моей карьеры, как в сказке, был счастливый конец, и мне удалось этого добиться. Я вынудил Робби сдаться, проведя рычаг локтя в первом раунде. Теперь я мог закончить карьеру на победной ноте.

У Робби Оливье карьера в Соединенном Королевстве сложилась удачно. Он победил нескольких противников, которые позднее заключили контракты с UFC (Брэд Пикетт, например), поэтому казалось странным, что ему так и не представился шанс выступить в UFC. Победив Робби, я в глубине души стал задаваться вопросом, чего бы смог достичь, если бы продолжил участвовать в боях, и, конечно, был рад, видя, каких успехов добивается Робби. Но карьера бойца все же была не главным для меня. Моей страстью была тренерская работа. С самого начала я знал, что бои не вдохновляют меня так, как работа тренера. Я уже много лет наблюдаю за своими учениками-спортсменами и осознаю, что я не такой. В отличие от них я никогда до такой степени не горел желанием стать лучшим. Отправляясь со своими учениками на бои, я продолжал брать с собой капу – вдруг кто-то не сможет выступить на шоу и потребует замены. И время от времени я выступал на турнирах по бразильскому джиу-

джитсу. В 2005 году я, обладатель пурпурного пояса, выиграл золотую медаль на чемпионате Европы в Лиссабоне. Это стало большим достижением для меня, и Мэтт Торнтон наградил меня коричневым поясом. Но в ММА все становилось гораздо серьезнее, и скоро у меня полностью пропало желание участвовать в соревнованиях.

Я всегда был учителем и наставником. К тому моменту, когда я в двенадцать лет получил черный пояс по карате, я уже помогал учить новичков, в том числе и тех, кому было за двадцать и за тридцать. Я не считал себя крутым, но мне нравилось за что-то отвечать и помогать инструктору. И так было не только на карате. Я, например, научил маму пользоваться компьютером, а в колледже часто помогал однокурсникам с задачами и вопросами, которые были им не под силу.

Чтобы мотивировать себя перед боем, я нарушал правило, о котором все время говорю своим ученикам. Я старался добиться эмоциональной заинтересованности в предстоящем поединке. Моему другу Робби Бирну часто приходилось что-нибудь придумывать, чтобы у меня появился стимул перед боем: «Джон, я слышал, как этот парень говорит ужасные вещи о твоей сестре. Пусть он за это поплатится». Я тогда выбегал из угла и сразу кидался на своего противника. То, что слова Робби не соответствовали действительности, не имело значения. Самое главное, это давало мне необходимый эмоциональный разогрев.

Вспоминая некоторые свои стычки – например, когда я работал вышибалой в барах и ночных клубах, – я понимаю, что они также помогали мне избавиться от боязни защищать себя, которая появилась из-за издевательств и нападок в школе. А вот пояса и деньги меня не волновали. Я ведь ничего не зарабатывал на боях, а, наоборот, тратил деньги на участие в них. И, в отличие от большинства бойцов ММА, не планировал в один прекрасный день оказаться на UFC. Уж в качестве бойца точно.

Киран Макгини, который был капитаном клуба «Армаг» на Всеирландском старшем футбольном чемпионате по футболу в 2002 году, работает сейчас тренером в «СБД Айленд». Он часто говорит, что у спортсмена, выступающего на высоком уровне в любом виде спорта, должен быть «инстинкт убийцы», то есть стремление победить любой ценой. Если у вас нет этого инстинкта, вы быстро потерпите неудачу. Я – пример бойца, у которого отсутствует подобный инстинкт. Помню, что, когда во время боев преимущество было на моей стороне,

мне хотелось сказать противнику, что ему нужно сделать, чтобы, например, выйти из невыгодного положения: «Нет, передвинь руку сюда». Тренерская работа и наставничество всегда давались мне легче, чем соревнования и победы.

4

Наше шоу обернулось провалом

Вне зависимости от того, нравлюсь я вам или нет, вы всё равно ждете моего боя. Те, кому я нравлюсь – ждут от меня зрелища и шоу, а те, кто меня не любит – мечтают, чтобы я был нокаутирован.

Конор Макгрегор

Закончив карьеру бойца, я мог посвятить все свои силы тренерской работе. Задача состояла в том, чтобы сделать «СБД Айленд» как можно успешнее и собрать команду бойцов, которая будет должным образом представлять наш зал. Добиться поставленной цели, оставаясь в сарае в Филсборо, было невозможно.

Через несколько лет число людей, занимающихся в нашем зале, становилось все больше, и нам делалось тесно в этих четырех бетонных стенах. Чтобы «СБД» продолжала расти, нам требовалось больше места.

В 2003 году мы переехали на Гринмаунт-авеню в Гарольд-Кроссе. По сравнению со спортзалом в сарае место, которое мы нашли, казалось дворцом. Оно было гораздо просторнее и светлее, и там даже имелся душ. В такой роскошной обстановке мы действительно могли считать, что начинаем преуспевать. До нас там занимались тайским боксом, поэтому это место нам подходило. Переезд туда нас очень обрадовал и являлся подтверждением того, что мы движемся в правильном направлении.

Однако мне все же было грустно покидать сарай, где размещался наш первый зал.

Конечно, в том зале воняло, было сыро и холодно, и он совсем не подходил для спортсменов высокого класса (а ведь мы ориентировались именно на них), но я успел к нему сильно привязаться, и остальные ребята чувствовали то же самое. Что бы ни происходило, в каком бы направлении ни развивалась наша деятельность, все началось в том маленьком сарае. Поэтому он всегда будет занимать особое место в моем сердце.

Закончив карьеру бойца, я мог полностью сосредоточиться на построении конкурентоспособной команды бойцов и обеспечить им надлежащий тренировочный процесс. Некоторые из наших ребят неплохо проявляли себя в Великобритании. Например, Мик Леонард был в то время одним из лучших бойцов «СБД»; Энди Райан одержал несколько впечатляющих побед; и даже Дэйв Рош, который выступал не слишком часто, уверенно расправлялся со своими противниками во время боев.

Однако, вероятно, самым впечатляющим спортсменом, который тренировался у нас в то время, являлся Адриан Дегорски. Он был поляком и стал одним из тех многочисленных жителей Восточной Европы, которые переезжали в Ирландию на рубеже веков. А еще у него была обширная боксерская подготовка. Грэпплинг никогда не давался Адриану легко, но он обладал прекрасной ударной техникой и был феноменальным спортсменом. Адриан был членом национальной любительской команды Польши по боксу, и в его активе числилось пятьдесят побед и одно поражение. В единственном проигранном бою он выступал со сломанной ногой, и меня это стало меньше удивлять, когда я узнал Адриана немного получше. Он отличался невероятной силой и весьма вспыльчивым характером. Я устроил Адриана вышибалой в пабе, и он отправил в нокаут первого же парня, который его чем-то разозлил. Я пытался объяснить Адриану, что нельзя сразу бить людей, из-за которых возникают проблемы, но я уверен, он решил, что это шутка.

Еще одним спортсменом, присоединившимся к нам в то время, когда наш зал размещался в сарае, стал 18-летний уличный мальчишка из Баллимуна. Этот паренек пришел к нам однажды вечером вместе с Дэйвом Рошем.

– Джон, это Оуэн Родди, – сказал мне Дэйв. – Он не может пока платить за тренировки, но если ты дашь ему здесь заниматься, он каждый вечер будет

ЧИСТИТЬ МАТЫ.

– Я чищу маты сам, Дэйв, – ответил я. – На это у меня уходит 30 секунд.

Однако меня в подобных ситуациях довольно легко переубедить. Дэйв продолжал настаивать, а Оуэн действительно казался хорошим парнем. Он был вежливым, и в нем чувствовался энтузиазм. Эти два качества я ценил, поэтому я дал Оуэну шанс. И я рад, что поступил так. В конечном счете этот парень принес залу огромную пользу.

Для тех из нас, кто стоял у истоков ММА в Ирландии, 2003 год был ознаменован такими событиями, как турниры, проводимые организациями «Воины в клетке» и «Ярость в клетке». Начались эти турниры в предыдущем году в Великобритании. Однако масштаб их все еще был небольшим. Промоутеры задействовали незначительное число бойцов. Выступая на турнире, следовало внимательно следить за другими боями, поскольку вполне возможно, что перед вами были будущие противники.

На поединки мы обычно направлялись на другой берег Ирландского моря, но иногда они происходили и в Ирландии. Самое большое регулярное шоу на острове называлось «Войны в клетке». Именно на этом турнире в Европе в 2002-м бои впервые проводились в клетке. Он был организован Пэдди Муни и Томом Ламонтом – двумя промоутерами, устроившими несколько хороших турниров в Кингс-Холле в Белфасте с привлечением таких бойцов, как Джесс Лиудин и Сэми Шиаво, которые впоследствии стали участвовать и в боях на UFC.

Команда моих бойцов увеличивалась, но проводящихся турниров не хватало для удовлетворения их желания посоревноваться. Как я решил эту задачу? Сделал то же, что и раньше: взял инициативу на себя. У меня, конечно, не было опыта работы промоутером, но я подумал: «Насколько это трудно? Давайте найдем ринг, поставим его в зале, организуем там бои и пригласим зрителей».

Турнир проводился в клубе «Рингсайд», небольшом зале рядом с национальным боксерским стадионом в Дублине. Клуб вмещал около трехсот человек, и, хотя продать все билеты было нелегко (эпоха социальных сетей еще не настала, поэтому мы не могли оповещать людей о предстоящих боях через Фейсбук или Твиттер), нам все же удавалось организовывать два или три турнира в год. И

именно на них впервые попробовали себя в боях будущие ирландские звезды UFC. Билет стоил 15 евро, и я всегда считал, что зрители тратили эти деньги не зря. Вечера получались очень интересными.

Свои турниры я называл «Рингом истины», потому что поединки проходили на ринге, и я был уверен, что здесь в ходе боя устанавливалась истина: двое парней с одинаковым весом, используя сочетание различных боевых приемов, выясняли, кто из них более искусный боец. Позднее, когда я мог позволить себе заказать клетку из Великобритании, название сменилось на «Клетку истины». Это стало первым регулярным шоу в Республике Ирландия, и именно там многие фанаты впервые узнали, что такое ММА. Таким образом, этот турнир сыграл важную роль в развитии смешанных боевых искусств.

Первый турнир прошел 1 октября 2004 года. В нем участвовали бойцы из спортзалов со всей страны. Многие из них, – например, Джон Доннелли, Фрэнсис Хигни, Микки Янг и Грег Лаугран – заложили на нем основы своей относительно успешной карьеры.

Самые первые наши шоу отличались максимальной простотой. Мы поставили ринг в центре клуба «Рингсайд» и открыли двери для зрителей. Со светом у нас было не очень, и, конечно, там отсутствовали телекамеры, хотя, если вам интересно посмотреть, насколько все было примитивно, вы можете найти на YouTube несколько некачественных записей. Уровень был как в дешевом кабаке. Поскольку я был одновременно и промоутером, и тренером, мне иногда приходилось изловчаться, чтобы успевать следить за тем, как проходит шоу, и быть секундантом у своих бойцов, но в любом случае всегда было интересно. Что касается медицинского контроля, то был парень из бригады «Скорой помощи» Святого Иоанна, который спрашивал у бойцов: «Все в порядке? Хорошо, тогда вперед». Вот и все. В конечном счете этому аспекту соревнований стало уделяться гораздо больше внимания, что, конечно, совершенно правильно, но в те времена мы не знали о необходимости более тщательного медицинского контроля.

Эти шоу не приносили прибыли, но и в то же время не приводили к каким-либо долгам. Я организовывал эти шоу, чтобы дать своим парням возможность участвовать в поединках, а не с целью заработать денег, и поставленная задача была выполнена. Главная трудность, с которой мы столкнулись, заключалась в том, что бойцы часто отказывались от участия в боях, поэтому в последние дни приходилось писать по электронной почте парням из Великобритании и

Франции, чтобы узнать, сможет ли кто-нибудь из них прибыть на замену. Как-то раз у нас было запланировано десять поединков на вечер, и в шести из них планировалось участие парней, которые ехали к нам на машинах из Северной Ирландии. В семь часов, когда в клубе уже собрались зрители и вот-вот должен был начаться первый бой, эти ребята так еще и не появились. В панике я позвонил одному из них и узнал, что они не смогли найти в Дублине наш клуб и решили ехать обратно. В зале сидели триста зрителей, купивших билеты и рассчитывающих на интересную вечернюю программу, а в запасе у меня оставалось всего четыре боя, и мне нужно было чем-то заменить сорвавшиеся поединки. Я принялся искать в зале людей, у которых был хоть какой-то опыт занятия боевыми искусствами. В результате я нашел двух ребят, которые провели показательные выступления по дзюдо, а еще один паренек показал некоторые приемы карате. Это, конечно, был настоящий провал, но нам удалось отделаться сравнительно небольшим количеством жалоб.

Смешанные боевые искусства никогда не были в Ирландии незаконными (и в то время подавляющее большинство ирландцев даже не подозревало об их существовании), но мы точно не знали, как на подобный вид спорта отреагируют власти. К счастью, в этом отношении мы никогда не сталкивались с какими-либо трудностями. Я думаю, что это отчасти благодаря тому, как мы рекламировали шоу. Даже когда мы начали использовать клетку, на плакатах говорилось о боевых искусствах, а не о поединках в клетке. По-видимому, у этих обозначений совсем разные коннотации. Насколько подобное восприятие верно – другой вопрос.

С другим шоу, планировавшимся в Дублине примерно в то же время, все сложилось иначе. Оно должно было проходить в отеле «Ред Кау», и в виде исключения я согласился поучаствовать в нем в качестве бойца. Меня это радовало, потому что я, надев ги (форму для бразильского джиу-джитсу), должен был выступить против Джима Рока, хорошо известного ирландского профессионального боксера. Я представлял себя Ройсом Грейси на UFC 1[6 - UFC 1 – первый турнир по смешанным боевым искусствам, позднее названный «UFC 1: начало».]

К сожалению, этот бой так и не состоялся. За неделю до начала шоу, несмотря на то что были проданы сотни билетов, оно было отменено советом округа Южного Дублина. Промоутеры разместили плакаты, рекламировавшие «поединки в клетке», в том числе один большой на кольцевой развязке возле гостиницы «Ред Кау». Вероятно, он привлек внимание властей, и они решили

запретить шоу.

Как-то раз в 2005 году к нам в спортзал в Гарольд-Кроссе пришел литовец. Год спустя, когда на экраны вышел фильм «Борат» с участием Саши Барона Коэна, мы начали называть литовца тем же самым именем, так как он очень напоминал этого персонажа, в частности акцентом и яркими костюмами.

Борат руководил популярным шоу под названием «Рингс» и с 1995 года провел по всему миру почти сто турниров. Он хотел, чтобы его шоу проходило и в Ирландии, и спросил, хотят ли бойцы из «СБД» поучаствовать в нем. Шоу было запланировано на 12 марта 2005 года в бывшем театре «Пойнт», который после реконструкции сначала называли «Арена O2», а потом «3Арена». Это было крупнейшее шоу ММА в Ирландии, поэтому мы, конечно, решили участвовать. Туда также приехали хорошие бойцы из-за рубежа, в том числе и Гегард Мусаси, который позднее стал победителем чемпионата, проводимого организацией «Страйкфорс». Даже сейчас Гегард является одним из ведущих бойцов в UFC.

Из США на шоу прибыл Мэтт Торнтон, и казалось, что для нашего зала все складывается прекрасно. Мы добились репутации одной из лучших команд Ирландии, наши ребята могли на равных соперничать с ведущими бойцами Великобритании, и теперь у нас появилась возможность проявить себя на международном уровне. Мне хотелось произвести впечатление на Мэтта, и я чувствовал его присутствие, когда следил за разминкой своих парней и давал им подсказки во время боев.

Но вечер для нашего зала оказался неудачным. Некоторые мои бойцы потерпели сокрушительное поражение, а само шоу обернулось настоящим провалом. Иногда на турнирах, даже на самом высоком уровне, бывает так, что бои оказываются недостаточно интересными, а разочарованные зрители шумно выражают недовольство. Одним из таких турниров и стал «Рингс». Худший момент в тот вечер был связан с главным боем. Родни Мур из Северной Ирландии должен был биться с Джимми Каррэном, известным кикбоксером из Дублина, не имевшим никакого опыта в ММА. Благодаря участию Джимми в шоу было продано много билетов, и его бой должен был стать гвоздем программы.

Родни вышел первым и направился в свой угол, а Джимми, после того как было объявлено его имя, не появился. Наступила неловкая тишина, а затем Борат, который также был диктором, предпринял еще одну попытку: «Попробуем снова. Из Дублина, Ирландия, – Джимми Каррэн!» Но он не выходил, и недовольные

зрители принялись швырять пивные бутылки в тех, кто стоял около ринга, поэтому некоторым из нас пришлось искать укрытия.

Чуть позже мы выяснили, что Джимми передумал драться и незадолго до начала боя сбежал через окно. К сожалению, у Джимми скоро возникли гораздо более серьезные проблемы. Через три недели его застрелили в одном из пабов Дублина.

После шоу «Рингс» я не один день пребывал в состоянии сильнейшей подавленности. Оно дурно сказалось не только на нашем спортзале, но и на ирландском ММА в целом. Я был расстроен, смущен и разочарован. Тот вечер был одним из тех, когда буквально все идет не так, как надо. Фанаты ирландского ММА обрушили на меня волны критики на форумах в Интернете («Джон Кавана опозорил Ирландию на мировой арене»), но меня больше беспокоило, как это все повлияет на смешанные боевые искусства в стране в целом. Они уже понемногу начали набирать популярность, и случившееся вряд ли поспособствует ее дальнейшему росту. Для многих людей то шоу стало первым знакомством с ММА. Если после него они не захотят больше испытывать подобное разочарование, их нельзя будет за это винить. И это было плохо.

Наступил непростой период, но и в трудные времена нужно продолжать упорно добиваться своей цели. Было нелегко, но у меня даже мысли не возникало признать себя побежденным. Скоро мы все вернулись в зал и стали готовиться к следующим боям. Если вы думаете, что развитие ММА в Ирландии постоянно шло по возрастающей, уверяю вас, что это не так. Падений было ничуть не меньше, чем взлетов, особенно на начальном этапе, и упомянутый случай был одной из таких неудач. Когда вы начинаете свой путь к успеху, добиться его, не сталкиваясь с трудностями, невозможно. В определенном смысле не важно, победили вы в тот или иной день или проиграли. В субботу вечером вы проигрываете, а в воскресенье утром начинаете все заново. Вот почему я никогда слишком сильно не увлекаюсь празднованием, когда мы побеждаем, и не впадаю в длительную депрессию после неудач. Победы и поражения – две стороны одной медали. «Побеждай или учись» – вот какова мантра в «СБД», а не «Побеждай или проигрывай».

Быть частью «СБД» означало, помимо всего прочего, возможность встречаться и знакомиться с другими членами ассоциации «СБД» в разных странах мира. С некоторыми удалось завязать тесную дружбу. С Карлом Тансвеллом из Манчестера, например. Карл – выдающийся тренер и замечательный человек.

Путешествуя по миру ради спорта, который мы любим, нам довелось испытать немало интересного.

Ирландия всегда будет моим домом, но большое место в моем сердце также занимает Исландия. Первый раз я отправился туда в 2005 году по просьбе Мэтта Торнтона, чтобы провести несколько семинаров в зале «Мьельнир» в Рейкьявике. Мэтт ездил туда раз в год, но в 2005-м он попросил меня заменить его. В первую очередь я рассматривал это как возможность побывать в интересном уголке мира; конечно, я не думал, что после этого я буду часто посещать Исландию. Для меня также стало большой честью, что Мэтт оказал мне подобное доверие.

В «Мьельнире» было много горящих энтузиазмом спортсменов, но я сразу обратил внимание на двух парней. Первого звали Арни Исакссон. Он был сильным бойцом, который все время стремился проверить свои силы. Его прозвище – Ледяной Викинг – вполне ему подходило. Второму было шестнадцать лет, и звали его Гуннар Нельсон. О нем мне сказали еще до отъезда из Дублина. Гунни прекрасно владел карате, и хотя грэпплинг был для него новой дисциплиной, он давался ему очень легко.

Когда я прибыл в «Мьельнир», Гунни попросил меня дать ему частный урок, и, начав работать с ним, я сразу отметил его потенциал. Чтобы напомнить Гунни, кто тренер, мне в конце урока пришлось повалить его и немного пощекотать.

Моя первая встреча с Арни прошла не совсем гладко. В одних лишь тайских шортах, истекая потом после тренировки, он подошел ко мне с безумным взглядом и произнес на ломаном английском: «А вы встанете?»

Я думал, он хочет провести со мной поединок, и ответил: «Нет, не с тобой».

Но на самом деле он спрашивал, обучаю ли я также и борьбе в стоячем положении. Несмотря на возникшее недоразумение, мы с Арни стали настоящими друзьями. Ему был двадцать один год, и, хорошо овладев кикбоксингом, он хотел проявить себя в ММА. Когда я возвращался в Дублин, Арни поехал со мной, чтобы тренироваться в «СБГ».

Сначала планировалось, что он на несколько недель остановится в моей квартире в Ренеле, пока не подыщет себе жилье. Спустя три месяца он все еще жил у меня. Каждый день я просматривал газеты и веб-сайты в поисках комнаты

для Арни где-нибудь в Дублине. Я предлагал ему различные варианты, но каждый раз он возвращался с плохими новостями.

- Ничего не вышло.

«Что же происходит?» - недоумевал я. Арни был хорошим парнем, и казалось странным, что никто не хотел сдавать ему комнату. В следующий раз я пошел вместе с ним. И тогда понял, в чем дело.

Мы подошли к дому, дверь открыла молодая женщина, и Арни рявкнул: «Мне нужна комната!» У него был подбит глаз (обычное дело для него), а на голову накинута капюшон. Женщина, слегка напуганная сердитым иностранцем с синяком под глазом, ответила, что комната уже сдана, и захлопнула дверь.

Арни в замешательстве повернулся ко мне и сказал: «Каждый раз так».

Дебют Арни в ММА произошел в Дублине позднее, в 2005 году, и стал началом его успешной профессиональной карьеры, в ходе которой он побеждал таких парней, как Грег Лаугран и Деннис Зифер. Также он выиграл турнир «Воины в клетке» в полусреднем весе.

Еще одним многообещающим молодым бойцом в зале в Гарольд-Кроссе был Том Иган, очень интересный 17-летний паренек. Том отличался невероятной ловкостью, харизматичностью и был превосходным спортсменом. В то время среди молодежи в нашем зале он был ведущим бойцом. Появилась у нас и первая девушка-боец, Айслинг Дэли. Когда Айслинг только пришла к нам, я с некоторым опасением относился к тому, что она будет тренироваться с парнями. Мне казалось, что тихой, замкнутой девушке подобное занятие совсем не подходит. Я не давал ей никаких поблажек, чтобы посмотреть, способна ли она выдерживать напряженные тренировки. Но даже после самых тяжелых занятий Айслинг приходила снова.

Наш спортзал продолжал расширяться, к нам приходило все больше новых людей. Среди них были как дети, так и пожилые. Ближе к лету 2006 года я уже мог позволить себе новое место для «СБД Айленд». Договорившись об аренде очень хорошего помещения в Талле, я уведомил владельца здания в Гарольд-Кроссе, что мы скоро переезжаем.

Однако за три недели до переезда произошло непредвиденное. Позвонил владелец здания в Талле и сказал, что передумал, несмотря на то что мы полностью обо всем договорились несколько месяцев назад. По его словам, вопрос с получением разрешения на размещение в здании спортзала для занятий смешанными боевыми искусствами оказался слишком сложным, и поэтому наша сделка отменяется. Снова договариваться об аренде помещения было уже поздно, поэтому я оказался в состоянии полной неопределенности.

Четыре месяца, в течение которых мы искали новое помещение, выдались очень непростыми. Мне удалось договориться о временной аренде школьного зала в Крамлине, и занятия пока проводились там. Я с горечью осознавал, что чем дольше будет затягиваться вопрос с новым спортзалом, тем более губительным это станет для будущего «СБД Айленд». Как нас смогут считать серьезной командой бойцов международного уровня, если мы будем тренироваться всего несколько раз в неделю на матах, на которых школьники занимаются физкультурой?

Подобная ситуация отрицательно сказалась и на моем доходе, поэтому мне снова пришлось несколько ночей в неделю работать вышибалой в барах и ночных клубах. Раньше, когда наш спортзал расширялся и мне не нужно было заниматься подобной работой, я сказал себе, что, если мне когда-нибудь снова придется к ней вернуться, это, вероятно, станет признаком того, что мне следует отказаться от мечты добиться успеха в области боевых искусств. Теперь я начинал понимать, что имели в виду мои родители, говоря о «настоящей работе». Как-то раз я заперся в ванной, лег на пол и проплакал нескольких часов. Все это было вызвано пугающей мыслью о том, что я, возможно, потратил впустую годы своей жизни, отдаваясь бесперспективному занятию, в то время как мог добиться большего, работая по специальности.

Затем, когда лето закончилось, мы наконец нашли новое место для зала. Оно находилось в промышленной зоне в Раткуле, приблизительно в 15 километрах от центра Дублина. Подобное расположение, конечно, нельзя было назвать идеальным: добраться до него можно было с пересадками на автобусе. Но это было хорошее здание для спортзала, и за все это время мы не потеряли ни одного бойца. Мечта по-прежнему была жива.

Мой новый ученик – Конон Макгрегор

Никогда не станет успешным тот, кто не готов идти до конца или начинать сначала, кто боится получить травму или что-то потерять.

Конон Макгрегор

Как-то раз днем в конце 2006 года в наш зал в Раткуле вошел тощий 18-летний паренек с бритой головой. Он учился в школе с Томом Иганом. Том нас познакомил:

– Это мой друг Конон Макгрегор. Он несколько лет занимался боксом и хотел бы сейчас тренироваться с нами, так как решил попробовать себя в ММА.

Я не помню точно, что Конон сказал мне во время нашего первого разговора, но знаю, что он называл себя будущим чемпионом UFC. Сразу было видно, что, даже если у него ничего не получится, с уверенностью в себе у этого парня в любом случае полный порядок.

Конон очень старался произвести впечатление во время своего первого спарринга в «СБД». В результате он отправил Оуэна Родди на пол сильным ударом в корпус. На спаррингах в «СБД» подобное обычно не допускается, но я решил пока ничего не говорить. Я понимал энтузиазм Конона, поскольку это была его первая тренировка, а Оуэн к тому времени успел уже поучаствовать в нескольких профессиональных боях. Конон хотел показать себя с лучшей стороны в поединке с одним из наших ведущих бойцов. Я также знал, что Оуэн скоро поквитается с ним.

Однако потом произошло совершенно недопустимое. Я сидел у себя в кабинете и вдруг услышал, как кто-то сказал: «Этот парень сбил с ног Айс». Я сразу понял, что речь о Кононе, потому что именно Айс спарринговала с Кононом после Оуэна. Я вышел из кабинета и увидел, что Айс лежит на ринге. Она была в слезах. Конон причинил ей боль сильным ударом в корпус.

«Хорошо, – подумал я, – тебе это пока сойдет с рук, но если ты решил, что здесь можно безнаказанно обижать других учеников, ты ошибаешься».

– Так, Конор, я следующий, – сказал я. Надев перчатки и выйдя на ринг, я сбил Конора с ног и немного поколотил его, пока он не понял следующее: Эти ребята – твои товарищи, а не противники.

Когда мы закончили, Конор посмотрел на меня и сказал: «Да, я это заслужил».

Когда Конор только появился в нашем зале, он был забиякой. Именно забиякой, и никем иным. Боксерский клуб в КрамLINE, где Конор тренировался раньше, был спортзалом, где прежде всего учили драться. Входя туда, вы видели драки, драки и еще раз драки. «СБД» же в первую очередь была ориентирована на обучение.

После того как я преподавал Конору урок, мы с ним подружились. Он пришел на следующий день и быстро включился в тренировочный процесс. Иногда Конору снова не удавалось держать себя в руках, но на него было трудно сердиться, потому что с ним было очень интересно. Как-то раз мы занимались упражнением «Победитель продолжает бороться, пока не проиграет», в котором проигравший выбывает и его место занимает новый участник. Но когда Конора повалили, он продолжил бороться.

– Конор, – сказал я, – ты заметил, что ты коснулся спиной мата? Это был конец раунда.

На каждом занятии он тренировался с полной отдачей и старался превзойти всех остальных, а после тренировок всегда задавал много вопросов. Например, я вечером дома смотрел телевизор, и вдруг приходило текстовое сообщение: «А вот то освобождение от захвата, которое вы показывали сегодня, можно будет завтра повторить?» У него была настоящая страсть к обучению. Наверное, он думал обо всех этих приемах круглые сутки.

На следующей неделе мы снова занимались борьбой на выбывание, и Конору удалось повалить меня. Прежде чем я успел подняться на ноги, он встал надо мной и сказал: «Вы заметили, что коснулись спиной мата? Это был конец раунда». Конор смешил меня уже не в первый раз и уж точно не в последний. То же самое было и с его товарищами. Он все время нас веселил, и в нем было что-

то очаровательное. Товарищи знали, что он излишне самоуверен, но Конор никогда не самоутверждался за их счет. Другие бойцы в зале уважали его, и он платил им тем же. Конору нравилось быть частью команды.

Глядя на Конора, я с самого начала думал: «Это чемпион мира». В нем (в его личности и спортивной подготовке) были необходимые задатки. Бойцы при грамотном подходе к тренировкам могут отточить свои навыки до высокого уровня, но можно ли обойтись без тех особых задатков, которые отличают чемпиона от всех остальных? Бойцов, которым бы это удалось, я еще не видел. Нечто особое должно быть в вас с самого начала. У Конора оно было.

Было ясно, что он обладает огромным потенциалом и его ударная техника просто потрясающая, но в некоторых аспектах подготовки, касающихся, в частности, борьбы в партере, имелись существенные пробелы. На их устранение требовалось время.

Другая проблема заключалась в том, что вне зала его многое отвлекало. Дублин не слишком большой город, и я скоро узнал, что Конор общается с людьми, которых любой, кто желает стать успешным профессиональным спортсменом, должен избегать. Конор в течение нескольких недель мог каждый день часами проводить в зале, а затем внезапно на время пропадал. Особенно удачно ему удавалось исчезать, когда приходило время платить за занятия.

Но, как только Конор возвращался в зал, он начинал выкладываться на тренировках по полной программе. Он также часто тренировался дома вместе с Томом. Том помогал Конору осваивать бразильское джиу-джитсу, а тот в ответ делился своими боксерскими премудростями. Когда Конор только появился в «СБД», он одно время параллельно занимался еще и боксом, и я ничего не имел против этого. Однако я не уверен, что его тренеры по боксу считали так же. В конечном счете Конор сделал выбор. Свое будущее он видел в ММА.

Пока мы были в Раткуле, я работал с некоторыми очень перспективными молодыми бойцами, которые находились на ранних стадиях своего развития, поэтому мне приятно вспоминать те дни. Но для меня это также был период значительного личного достижения.

В 2007 году я отправился в Турцию для участия в чемпионате мира по грэпплингу, проводящемся под эгидой Международной федерации объединенных стилей борьбы (фр. Federation Internationale des Lutttes Associees – FILA). Туда съехалось множество лучших бойцов со всего мира, и, глядя на некоторые имена, я даже начал беспокоиться, что оказался в такой престижной компании. Но, наверное, волноваться мне не стоило.

Я дошел до финала, где меня с помощью болевого блока ноги победил Рикки Ланделл, который с тех пор тренирует ведущих бойцов UFC, таких как Джон Джонс и Фрэнк Мир. Я был сильно разочарован тем, что, дойдя до самого конца, так и не смог победить, но в любом случае это стало для меня значительным достижением. Вспоминая о нем годы спустя, я ценю его еще больше. Когда я стоял на подиуме и получал серебряную медаль, позади меня поднимался ирландский трехцветный флаг и звучал государственный гимн. В этот момент я испытывал настоящую гордость. Подавляющее большинство флагов на турнире поднималось в честь США, поэтому было приятно видеть среди них и ирландский.

В Раткуле я также достиг высшей ступени бразильского джиу-джитсу. Получить черный пояс в БДД крайне трудно. Я люблю все боевые искусства, но если кто-то говорит, что обладает черным поясом по карате, это может означать две совершенно разные вещи. Речь может идти или о восьмилетней девочке, которая выполняет комплекс формальных упражнений, напоминающих танец (когда я только начинал, я сам это делал), или о Лиото Мачиде, который с помощью приемов карате уже не один год жестко отправляет противников в нокаут в боях ММА. Таким образом, если кто-то говорит о своем черном поясе по карате, то вы не сможете понять, умеет ли он драться по-настоящему, пока не увидите его в деле. Однако если у кого-то есть черный пояс по БДД, будет беспроблемно предположить, что перед вами действительно крутой парень.

После многих лет тренировок я стал первым ирландцем, получившим черный пояс по бразильскому джиу-джитсу. Но, прежде чем меня удостоили этой чести, мне пришлось пройти через последнее испытание. Для его проведения из США в Раткул прибыл Мэтт Торнтон. Испытание это называется «железный человек» и заключается в том, что вам нужно по очереди бороться с каждым человеком в зале до победы. В тот вечер в зале присутствовали семьдесят человек.

Это была сложнейшая задача, и она полностью вымотала меня как физически, так и эмоционально. Когда испытание наконец закончилось и Мэтт обернул

черный пояс вокруг моей талии, я был сильно растроган и с трудом сдерживал слезы. Впервые я увидел БДД дома на экране телевизора, когда наблюдал за Ройсом Грейси на UFC 1. Я тогда понятия не имел, что он делает или как он это делает, но знал, что хочу этому научиться. Спустя чуть более десяти лет меня признали одним из лучших мастеров БДД. Получение черного пояса долго являлось моей целью, но большую часть времени она скорее походила на несбыточную мечту. Никто в моей стране не достигал такого уровня, но подобные вещи, наверное, никогда меня не останавливали.

В бразильском джиу-джитсу интересно то, что достижение высшего уровня отнюдь не означает окончания пути. БДД настолько сложно, что достичь совершенства в каждом его аспекте просто невозможно. Вы никогда не доберетесь до финишной черты. Поэтому я хоть и рад был получению черного пояса, но скоро вернулся к своему обычному настрою: хорошо, здесь еще можно многому научиться, так что возвращайся на маты и продолжай тренироваться.

Это стало знаменательным моментом не только для меня, но и для БДД и ММА в Ирландии в целом. В стране появился первый мастер, обладающий черным поясом, а также были и другие – такие, как Энди Райан, – которые добивались больших успехов в освоении данного вида боевого искусства. Это еще раз подтверждало, что ММА в Ирландии движется в правильном направлении.

К 2007 году «СБД Айленд» стала известна как команда, с которой нужно считаться. Оуэн Родди, Айслинг Дэли и Том Иган регулярно одерживали победы. То же самое можно было сказать и о Гуннаре Нельсоне. Гунни впервые приехал в Дублин тренироваться в 2006-м, спустя год после того, как мы познакомились с ним в Исландии. За это короткое время он добился поразительных результатов. Семья Гунни оказывала ему большую поддержку, особенно его отец Халли. Они всегда были готовы поддержать стремление Гунни добиться успехов в ММА, даже если бы ему для обучения потребовалось направиться в Ирландию, США или куда-нибудь еще. Пока Гунни был в Дублине, он жил в моей квартире. Он был одержим стремлением к совершенству. Иногда в час ночи кто-то стучал в дверь моей спальни. Это был Гунни с вопросом о каком-нибудь приеме.

– Гунни, иди спать. Мы можем поговорить об этом завтра, – сонно отвечал я.

В 2007 году он пять раз участвовал в боях и одержал первые четыре победы в первом раунде после ничьей в первом поединке. Было ясно, что 19-летнего парня ждет большое будущее. Одним из главных его достоинств являлся спокойный настрой. Смотрел ли Гунни телевизор или собирался выходить на бой, он всегда казался безмятежным. Ему каждый раз удавалось оставаться абсолютно спокойным, а ведь подобное поведение – большая редкость. После победы он не устраивал никаких диких торжеств. Его интересовало лишь, куда можно пойти поесть. Затем он сразу же переключал свое внимание на следующий бой.

Гунни добивался больших успехов невероятно быстро, и не только в ММА, но и в бразильском джиу-джитсу. Всего три года спустя после знакомства с Гунни я уже награждал его коричневым поясом. В этот момент я испытывал большую гордость – мы сильно сблизились во время его поездок в Дублин, стали почти как братья. И через четыре года после начала изучения БДД он уже получил черный пояс. В то время подобным уровнем мог похвастать разве что Би Джей Пенн, легендарный бывший чемпион UFC.

В том же 2007 году к нашей команде бойцов присоединился Конор Макгрегор в качестве любителя, а его профессиональный дебют состоялся в марте следующего года. Он легко разделался со своими первыми соперниками, поскольку был одним из лучших мастеров ударной техники в Ирландии. После первой победы Конора мне на следующее утро в понедельник пришлось вызвать его к себе в кабинет. Конор так радовался победе, что запустил в толпу свою капу. Она попала какому-то парню в лицо, и тот был недоволен. Я мог понять восторг Конора, учитывая, что это был его первый бой, но я также хотел, чтобы он осознал необходимость держать себя в руках. «Никогда больше не празднуй так победу, – сказал я. – Мы не этому учим в нашем зале».

Для третьего профессионального боя Конора я решил поднять планку. На шоу «Клетка истины 3» он 28 июня 2008 года встретится с Артемием Ситенковым из Литвы. Этот противник был старше и опытнее. Если бой будет стоя, противник не сможет доставить Конору неприятностей, но Ситенков хорошо владел русским самбо, корни которого восходят к разным видам борьбы, и оно включает болевые приемы на руки и ноги. Другими словами, я знал, что, если борьба перейдет в партер, поединок для Конора будет окончен. Но в глубине души я, возможно, считал, что этого самоуверенного боксера необходимо вынудить сдаться, чтобы он осознал важность борцовской подготовки бойца. И, вероятно, я также полагал, что Конора надо проучить, поскольку казалось, что он больше

думает о вечеринках, чем о тренировках. Когда в моем зале появляются новые бойцы, они получают от меня все необходимое. Но я не стану тащить их на тренировки насильно. Каждый боец должен этот понимать.

На бой у Конора был следующий план: наносить удары, а затем отходить. Но Ситенков не тратил времени зря и сразу стал переводить бой в партер, поэтому весь план пошел насмарку. Конор, вообще-то, удачно справлялся с первоначальной попыткой Ситенкова. Тот откинулся на спину и обхватил Конора ногами. Конор же старался наносить удары, но затем совершил ошибку, которая ему дорого обошлась. В попытке эффективно пробить защиту Ситенкова он позволил ему сменить позу, после чего тот схватил ногу Конора и стал пытаться провести рычаг колена.

Я сидел и думал: «Что же ты делаешь? Ты даже еще не знаешь, как проходить через защиту!» Среди зрителей было много друзей и членов семьи Конора. Их присутствие, вероятно, и побудило его закончить бой как можно красивее, что привело к ошибке. У Конора не было опыта в грэпплинге, и, пока Ситенков старался провести болевой прием на ноге, он отбивался с помощью ударов. В конце концов Ситенков добился желаемого и вынудил Конора сдаться.

В тот вечер я впервые встретился с родителями Конора. Они пришли посмотреть на его выступление, а оно продолжалось 69 секунд. Родители и другие близкие часто боятся, что бойцы могут получить серьезные увечья, но самих бойцов возможные травмы беспокоят гораздо меньше. Больше всего они не хотят попасть в неловкое положение на глазах людей, которых знают. Вот почему молодые люди так часто говорили мне в раздевалке: «Что бы ни случилось, не хочу выглядеть глупо».

В глубине души молодым бойцам, вероятно, даже нравится участвовать в боях, в которых можно сильно пострадать. А настоящий кошмар для этих ребят – мысль о том, что их могут быстро нокаутировать или вынудить сдаться, а именно это и произошло с Конором в поединке против Артемия Ситенкова.

Это оказалось не единственной проблемой. Как промоутер шоу «Клетка истины» я давал местным бойцам билеты, чтобы они продавали их друзьям и членам семьи. Вырученные деньги, за вычетом комиссии, они передавали мне. Конор взял двадцать пять билетов по 20 евро каждый, поэтому речь шла о сумме в 500 евро.

В конце вечера, когда другие бойцы передавали мне деньги от продажи билетов, Конор сказал, что у него нет с собой денег.

– Извини, Джон. Забыл их взять с собой, – сказал он. – Принесу в зал на следующей неделе.

Для Конора это было в порядке вещей. Он редко оплачивал тренировки в зале, но я всегда относился к нему снисходительно, зная, что затраченные на этого парня усилия могут в конечном счете окупиться. Но денег у него не было. Продав билеты перед боем, он потратил выручку, планируя рассчитаться со мной позже. Дело кончилось тем, что он истратил все до последнего цента.

Прошла неделя, а о Коноре ничего не было слышно. Неделя затем превратилась в месяц, и я решил уже больше ему не звонить.

Прошел примерно еще один месяц, и мне наконец позвонили из дома Макгрегоров. Но звонок был не от Конора, а от его мамы. Хотя мы успели познакомиться с ней на бое с Ситенковым, толком мы так и не разговаривали. Когда она позвонила и сказала, чья она мама, я подумал: «А, да, это тот маленький засранец, который взял у меня деньги и исчез. Зачем, интересно, мне звонит его мать?»

– Хотела спросить, не могли бы вы прийти к Конору, – сказала она. – В последнее время он совсем не тренируется, с ним что-то не так. Мы немного беспокоимся.

По правде говоря, я сначала ничего не хотел слушать. С чего это вдруг? Это Конор был должен мне, а не я ему. Мой зал в то время вовсе не процветал, поэтому я не мог просто махнуть рукой на потерянные 500 евро.

– Извините, – ответил я, – как, вы сказали, вас зовут?

– Маргарет.

– А-а. – Это в некотором смысле подействовало на меня, потому что мою маму тоже звали Маргарет. Мелочь, но это изменило мое отношение к делу. Я осознал, что говорю с мамой, которая переживает за своего сына и просит меня помочь. Если бы пятнадцать лет назад у меня возникли трудности и моя мама попросила

бы кого-нибудь о помощи, хотел бы я, чтобы этот человек проигнорировал ее просьбу? По разговору с Маргарет было ясно, что произошло нечто серьезное. В ее голосе, когда она сказала мне, что у Конора трудный период, чувствовалась сильная тревога.

– Не думаю, что кто-то, кроме вас, может помочь ему, – сказала она.

Я не удивился, узнав, что Конор (все эти недели, пока он не ходил в зал) вел себя как-то не так. За то недолгое время, которое я знал его, я успел понять, что он склонен к подобному поведению.

Я согласился приехать в Лукан[7 - Лукан – пригород в Ирландии, в графстве Южный Дублин.] и поговорить с Конором. Вся семья была дома: родители Конора и две его сестры. Было видно, что все они очень переживают.

Мне сообщили некоторые подробности: Конор, по-видимому, пребывал в депрессии и отказывался выходить из спальни. Он не хотел тренироваться, и вообще не хотел ничего делать, и просто посылал всех куда подальше, требуя оставить его в покое.

Конор не знал, что я внизу с его семьей. Он вообще не ждал меня. Я поднялся и постучал к нему в спальню.

– Что еще? – раздался ворчливый голос.

Когда я вошел, Конор выглядел так, будто увидел привидение. И, конечно, он совсем не походил на здорового молодого спортсмена, которого я знал раньше.

Я сел на кровать, и мы начали говорить. Я сообщил Конору, что мне известно о некоторых вещах: что он общается с людьми, с которыми не следует общаться, и занимается тем, чем заниматься не нужно. Я сказал, что это явно не идет ему на пользу, и попросил, чтобы он сказал мне, если я зря трачу время. Уйти ли мне и больше не возвращаться? Или он хочет начать все с чистого листа?

Разговор этот состоялся в пятницу вечером. Я сказал Конору, что, если он придет в зал в понедельник, мы можем забыть о билетах и начать все заново. Но сначала я должен был услышать, что он берет на себя ответственность: «Да, я

облажался, но готов сделать все, что требуется, чтобы исправить ситуацию». Если бы я этого не услышал, то просто ушел бы. Но я не хотел этого делать. Несмотря на инцидент с билетами, Конор мне нравился, и я знал, что он способен добиться больших успехов в ММА. Его семья готова была на все, чтобы убедить меня приехать и поговорить с ним. И мне хотелось дать Конору шанс, но начиная с понедельника больше нельзя было допускать, чтобы дело доходило до такого.

– Я помогу, если тебе потребуется помощь, – сказал я. – Но ты не вздумай хоть на шаг отклониться от выбранного пути. Отдача от тебя должна быть стопроцентная.

Конор выслушал меня и, глядя мне в глаза, сказал: «Вы правы. Я согласен, так и сделаем».

Он признал, что стремился к дурному образу жизни, общался не с теми людьми и ступил на опасный путь. Конор, в сущности, губил свою жизнь. Мы договорились о взаимных обязательствах, и нам обоим не удалось сдержать слез. В следующий понедельник Конор вернулся в спортзал.

Конор ступил на скользкий путь, и поэтому трудно предположить, что с ним могло случиться, если бы он не возобновил тренировки. Боевые искусства были его страстью. Если бы он их забросил, чем бы он тогда занялся? Я рад, что мама Конора позвонила мне в тот вечер. Я также рад, что родители решили назвать ее Маргарет! Ее имя сыграло свою роль в принятии решения помочь Конору, хотя я в любом случае питал к нему симпатию. Даже тогда он был для меня словно младший брат.

Мне регулярно звонят обеспокоенные родители. Помню, как мать одного паренька позвонила, чтобы сказать, что ее сын отказывается делать домашнюю работу. Она передала мальчику трубку, и я сказал, что ему не разрешат заниматься в зале, если он не сделает домашнюю работу. Разговаривая с ним, я вдруг понял, что я не узнаю его голос. Имя его мне также было незнакомо. Когда его мама снова взяла трубку, я спросил, занимается ли он у меня в зале.

– Нет, – ответила она. – Но я знала, что он вас послушает и начнет кое-что понимать.

Логично.

Не так давно, чтобы наказать детей, им на время запрещали гулять с друзьями или же забирали у них любимую игровую приставку. Теперь, по-видимому, им говорят, что если они будут плохо себя вести, то не смогут пойти в «Стрейт Бласт Джим»!

После того случая за Конором еще нужно было присматривать. Если к часу ночи он не возвращался домой, я знал об этом и принимал меры. Таким образом, Конор понимал, что не нужно испытывать свою удачу. Но самое главное было то, что он продолжал приходить в зал. Он не бросил тренироваться. Я еще не был убежден, что он иначе отреагирует на новое поражение, но только время показало бы, прав я или нет. Я решил дать Конору возможность начать все заново, и это обошлось мне в несколько сотен евро. Однако скоро выяснилось, что я поступил так не зря.

6

Первый ирландский боец

В конце концов, я уважаю каждого. Но я двигаюсь по своему пути, и место в нём есть только для одного.

Конор Макгрегор

Я присматривал за Конором Макгрегором, но это было не единственной трудностью, с которой я столкнулся в 2008 году. Наш зал уже почти два года находился в Раткуле, и мы там неплохо обосновались. Хотя он и был на периферии, число занимающихся в нем неуклонно росло, особенно это касалось молодежи.

Затем я неожиданно столкнулся с проблемой, которая вполне могла заставить меня все бросить.

Как-то раз утром, просматривая почту у себя в кабинете, я увидел письмо от владельца здания. Оно было коротким и предельно ясным. Руководители компаний, располагающихся по обе стороны от нас в промышленной зоне, опасались, что детей, идущих в зал, может сбить фургон или вилочный погрузчик. Сейчас я, конечно, понимаю, что те опасения были совершенно справедливы: вполне мог произойти несчастный случай. Но в то время я в первую очередь думал о зале и смотрел на ситуацию иначе.

На то, чтобы освободить помещение, была дана неделя. Я, не веря своим глазам, уставился на письмо. Мне с таким трудом удалось найти место в Раткуле, и вот не прошло и двух лет, как мы снова оказались в прежней ситуации: нужно было искать новое помещение.

Я не знал, хватит ли у меня сил снова проходить через все это. Отец помогал мне искать новое помещение, но поиск шел без особого энтузиазма. К счастью, нам удалось убедить владельца здания позволить остаться еще на несколько недель, чтобы не отменять тренировки на время поисков, но я чувствовал, что лишь откладываю неизбежное. Казалось, что я приближаюсь к перепутью в своей жизни.

Мои родители, хоть и не полностью одобряли мое увлечение смешанными боевыми искусствами, видели, сколько сил я в них вкладываю, и оказывали мне поддержку в этот трудный период, но в конечном счете они все же больше хотели, чтобы я работал по своей инженерной специальности. Я начал склоняться к их точке зрения. Я никогда не надеялся, что смогу разбогатеть благодаря ММА, но полагал, что, занимаясь любимым делом, хотя бы смогу сводить концы с концами. С момента открытия моего первого спортзала прошло семь лет, и казалось, что я вернулся к тому, с чего начинал. Конечно, мы проделали большой путь и в нашей команде были теперь некоторые очень перспективные бойцы, но реальность заключалась в том, что мне исполнился уже тридцать один год, у меня имелся диплом инженера, но не было ни цента на банковском счете и отсутствовали какие-либо ясные перспективы. Когда я сравнил плюсы и минусы, связанные с продолжением карьеры в качестве тренера ММА, минусы значительно перевесили плюсы. Впервые в жизни я открыл раздел вакансий в газете и принялся оценивать имеющиеся варианты.

Когда мне сообщили о потенциальной возможности арендовать помещение на Лонг-Майл-роуд, я уже был порядком измотан, мотивация пропала, и я собирался отказаться от карьеры тренера. Мне нужно было ухватиться хоть за какую-

нибудь соломинку, и полученная информация оказалась весьма кстати. Я понятия не имел, подойдет ли мне это помещение, но в любом случае впервые за три месяца после отъезда из Раткуля передо мной забрезжила надежда. Я отправился посмотреть на место и взял с собой отца.

– Тут же свалка, – сказал он. И это было еще до того, как он увидел дерево, растущее в задней части здания. Дерево! В помещении! Как такое вообще возможно? По-видимому, мы находились на суконной фабрике, которая давно пришла в полнейшее запустение. Но это было свободное место, и ко мне сразу вернулся оптимизм. Папа не мог понять, как тут можно открывать спортзал, и я постарался успокоить его:

– Не так все плохо. Надо просто убрать грязь, покрасить стены и срубить дерево.

– Господи, Джон! Да здесь же на стенах плесень.

Тем не менее у этого места было одно несомненное достоинство: оно находилось гораздо ближе к центру города, чем прежний спортзал. Но сразу возникала проблема. Я уже был должен 25 тысяч евро, так как взял кредит для помещения в Раткуле. Переезд на Лонг-Майл-роуд требовал дополнительных 15 тысяч. Для получения нового кредита был необходим поручитель. Мои родители, очевидно, хоть немного в меня верили, потому что они решили помочь мне и предложили в качестве залога свой дом.

Получив кредит в размере 40 тысяч евро, я подписал договор аренды, чтобы одна из лучших команд ММА в Ирландии переехала на старую фабрику, в которой была такая сырость, что там аж дерево выросло. Может показаться, что это был не слишком большой повод для радости, но после небольшой уборки в выходные я был готов приложить последние усилия, чтобы «СБД» снова заработала. В течение нескольких дней почти все члены нашей команды из шестидесяти человек стали работать над тем, чтобы это место стало хоть немного напоминать спортзал. Куда бы ни переезжал наш зал, все люди, имеющие к нему отношение, оставались со мной и оказывали любую посильную помощь. Я буду вечно благодарен им за их невероятную преданность.

Мои родители, сестра и брат также внесли огромный вклад в приведение здания в порядок. К тому времени, когда мы наняли кого-то срубить дерево, это место уже выглядело вполне прилично – как спортзал, в котором мы сможем добиться

успеха.

Вскоре после того, как мы обустроились на Лонг-Майл-роуд, нам представилась большая возможность. UFC впервые объявила, что будет проводить шоу в Республике Ирландия. Оно пройдет в Дублине 17 января 2009 года, и на нем выступят такие легендарные бойцы, как Дэн Хендерсон, Рич Франклин, Маурисио Руа и Марк Коулман.

Это было значительным событием для ММА в Ирландии. Полтора года назад UFC проводила шоу в Белфасте, но оно в основном считалось очередным мероприятием, проведенным в Великобритании. То, что UFC признавала увеличение числа своих поклонников в остальной части Ирландии, имело большое значение. После первого турнира в 1993 году UFC постепенно превратилась в крупнейшую организацию, занимающуюся ММА в мире. И именно туда хотел попасть каждый боец. Смешанные боевые искусства все еще являлись в значительной степени нишевым видом спорта в Ирландии, но даже несмотря на это, UFC решила провести там шоу. Это стало огромной возможностью для «СБД Айленд».

Я знал, что UFC будет искать местного бойца для участия в боях, и несколько не сомневался, что таким бойцом вполне может стать Том Иган. Ему было двадцать лет, он участвовал в четырех боях и все их выиграл. Однако Том был все еще довольно неопытен. Он пока выступал лишь на небольших местных шоу, и бой на уровне UFC стал бы для него огромным шагом вперед. Это, конечно, будет очень рискованно, но я был уверен, что на подобный риск стоит пойти. Если UFC ищет бойца, который представлял бы ирландские ММА, ни у кого нет больших шансов успешно справиться с этой задачей, чем у Тома.

Когда было объявлено, что UFC 93 будет происходить на «Арене O2», мне удалось получить контактную информацию Джо Сильвы, антрепренера UFC. В течение многих недель я посылал ему одно электронное письмо за другим, объясняя, почему Том Иган – именно тот боец, который должен представлять Ирландию.

Он наконец ответил:

– Вы хотите, чтобы в шоу UFC участвовал парень, который провел всего четыре боя?

– Но вы же хотите, чтобы на подобном уровне впервые выступил ирландский боец, – ответил я. – Доверьтесь мне, я занимался индустрией ММА в Ирландии дольше, чем кто-либо еще, и могу уверить вас, что Том Иган – лучший боец в стране.

Хотя Том еще не полностью развил свои навыки в грэпплинге, он в то время был подготовлен ничуть не хуже любого другого бойца в Ирландии, а его ударная техника особенно впечатляла. Он был молод, харизматичен и мог хорошо держаться перед камерой. Я думал, что для UFC это было как раз то что надо.

Джо ответил через несколько дней и сообщил, что UFC предлагает Тому Игану контракт на четыре боя и первым станет поединок на шоу UFC 93. Это стало хорошей новостью. Плохая же новость заключалась в том, что противником Тома был настоящий динамит. Джон Хэтэуэй был непобежденным бойцом в полусреднем весе из Англии, и, хотя он тоже будет дебютировать на шоу UFC, он был гораздо опытнее, так как победил в Великобритании всех своих десяти соперников. Что еще важнее, он был невероятным грэпплером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (https://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24155074&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

ММА (англ. Mixed Martial Arts) – смешанные боевые искусства. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Ultimate Fighting Championship (рус. Абсолютный бойцовский чемпионат) – спортивная организация, базирующаяся в Лас-Вегасе, США, и проводящая бои по смешанным правилам.

3

МАИ – Маршал Артс Иллюстрейтед.

4

«Шед» (англ. Shed) означает «сарай».

5

1 фунт равен 0,45 кг.

6

UFC 1 – первый турнир по смешанным боевым искусствам, позднее названный «UFC 1: начало».

7

Лукан – пригород в Ирландии, в графстве Южный Дублин.

Купить: <https://telnovel.com/dzhon-kavana/konor-makgregor-zhizn-bez-pravil-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)